

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIV годъ

№ 39

годъ XIV

1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и

ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работа (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 24 Сентября 1883 г.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принимают-
ся по 60 коп. (1
Mark. 20 Pfen. для
загран.) за строку
нонпарель (въ 1/
ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кромѣ
воскресн. и праздн.
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ ... 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ ... 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ от-
дѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печнов-
ской, Петровская Торгов. линія ... 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе
города Россіи 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и др. госуд. 8 р.

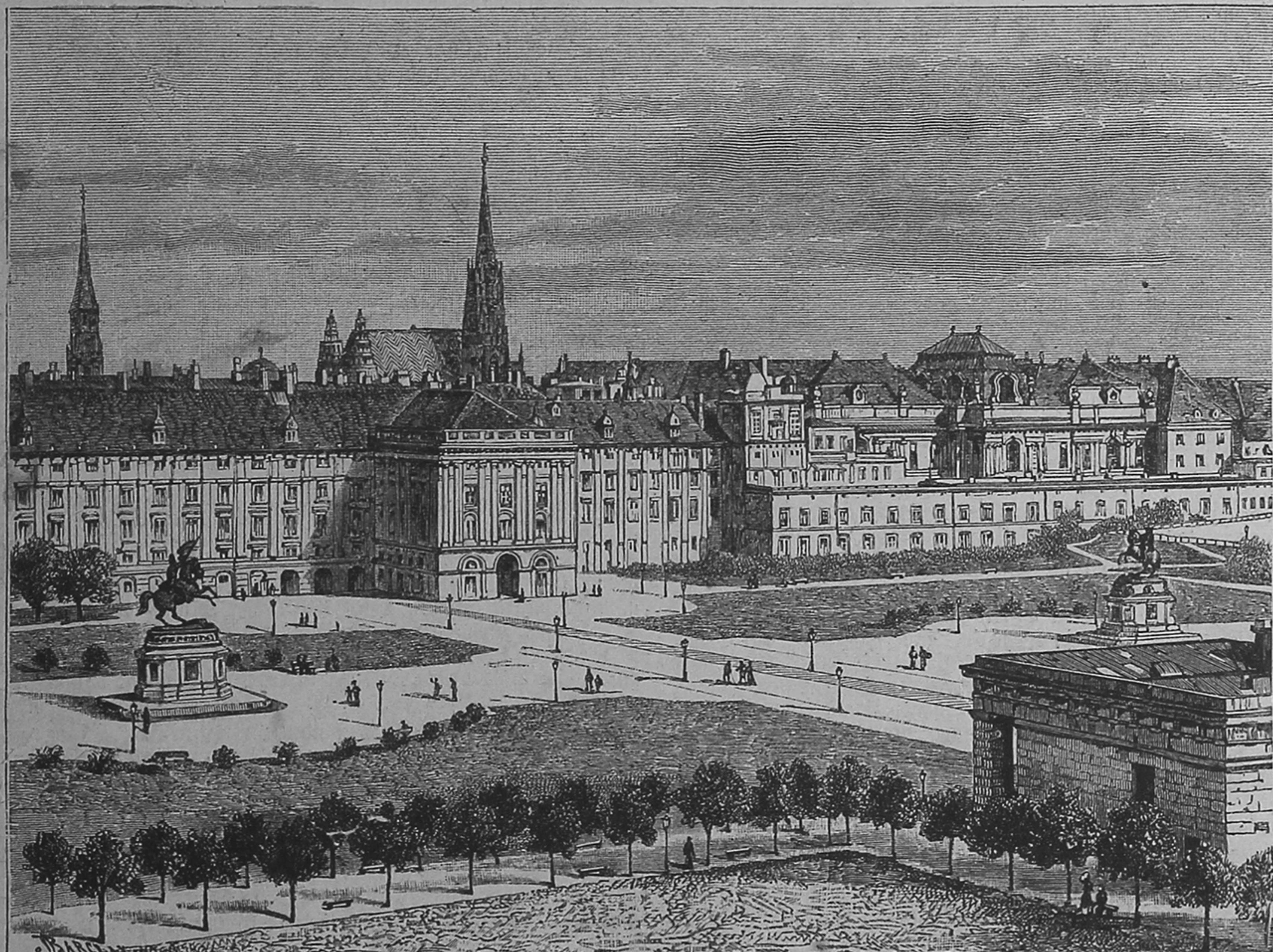
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 3 р., съ перес. иного городнаго 8 р.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМЪЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“
объявленій отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
иог. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя
печати авторамъ
не возвращаются.

Вѣна. Императорскій дворецъ (Бургъ). Ориг. рис. Барклая, грав. Барбанъ.

„Да, думаль онъ тепрь,—иногда слѣдуетъ рисковать, безъ риску въ большомъ дѣлѣ невозможн... Только осторожиѣ, какъ можно осторожиѣ! Дѣло развивается, удача ихъ возможна... и тогда я много выиграю; ихъ обойти не трудно—такие люди!.. А на случай неудачи кажется все обдумано—мнѣ же будутъ благодарны... А заподозрить меня—кто же заподозритъ?! Нужно только слѣдить, слѣдить хорошенько... Я еще многихъ не знаю, списки неполны“...

Онъ снова вернулся къ своимъ бумагамъ и сталъ разбирать ихъ.

Въ это время онъ услышалъ, что кто-то старается отворить дверь.

— Кто тамъ? раздраженнымъ голосомъ крикнулъ онъ.

— Это я, пусти пожалуйста, мнѣ непремѣнно надо тебя видѣть! раздался голосъ Катринъ.

Владимиръ сдѣлалъ нетерпѣливо движеніе, быстро уложилъ всѣ бумаги въ портфель, портфель заперъ въ столъ и подошелъ къ двери.

Катринъ не вошла, а просто ворвалась въ кабинетъ. Движенія ея были такъ порывисты, что онъ даже замѣтилъ ей:

— Ты бы поосторожиѣ... въ твоемъ положеніи! Что съ тобою случилось?

— Да развѣ вы не знаете, что у насъ происходит?

— Знаю! Борисъ женится на „этомъ привидѣніи“—какъ ты ее называешь...

— И вы такъ хладнокровно къ этому относитесь?!

— Что же мнѣ—повѣститься что ли?

— Да ты говорилъ съ ними?

— Говорилъ.

— Что же ты имъ сказалъ?

— Сказалъ, что нѣсколько удивляюсь его выбору; потомъ напомнилъ, что до сихъ поръ еще въ нашемъ роду небывало такого примѣра... Такъ отецъ даже сердился вздумалъ. Ты знаешь его фанаберіи, его недаромъ „вольтерянцемъ“ называли. Онъ очень доволенъ; эта особа, видишь ли, ему понравилась, у него одинъ вкусъ Борисомъ...

Катринъ была совсѣмъ поражена.

— Да нѣтъ, что же это такое?! Вѣдь этого пельзя допустить... никакъ нельзя...

— Полно, перестань говорить пустое! остановилъ ее Владимиръ.—Недопустить этого ни ты, ни я не можемъ... et, aprѣs tout, il faut faire bonne mine au mauvais jeu—il ne nous reste que ça...

Но Катринъ все же не унималась. Она комкала, чутъ не рвала свой кружевной платокъ, даже поблѣдила вся отъ досады. Ея глаза стали такие злые. Она уже не была похожа на маленькую, хорошенькую птичку, а напоминала собою взбѣсившуюся кошку.

— Что же это такое будетъ? говорила она.—Хороша belle soeur! И это вмѣстѣ жить... всегда вмѣстѣ!..

Владимиръ взглянуль на нее, прищуривъ глаза и ему, какъ это очень часто съ нимъ бывало, захотѣлось подразнить ее.

— Да, и жить вмѣстѣ! медленно и повидимому спокойно сказалъ онъ.—И этого мало, жить очень дружно, угождать ей...

— Merci bien! угождать!? я ей угождать?—нѣтъ, слуга покорная! Я ей никогда не прощу, никогда... и пусть она лучше и не ждетъ отъ меня ничего хорошаго.. Богъ знаетъ кто встрется въ семью—и это выносить!.. нѣтъ... Я каждый день, каждый часъ буду напоминать ей, что есть маленькая разница между нею и мною.

— Напрасно; я тебѣ говорю: ты должна будешь угождать ей. А не станешь угождать—такъ кончится тѣмъ, что насъ съ тобою попросятъ вонъ изъ дома.

Катринъ всплеснула руками.

— Что это вы—съ ума сходите?

— Чискалько! Это на тебя нашло бѣшенство, а я отому все ясно вижу. Разсуди сама и ты

увидишь, что я правъ. Ты очень хорошо знаешь, что этотъ домъ принадлежитъ отцу и что затѣмъ, какъ уже давно, давно решено и какъ я не разъ говорилъ тебѣ—онъ перейдетъ къ Борису.

Катринъ закусила губы.

— Этого мало, продолжалъ онъ. Я увѣренъ, что отецъ подарить ему домъ къ свадѣбѣ. Такъ что тебѣ остается одно изъ двухъ: или подружиться съ нею и уступить ей всѣ хозяйскія права какъ старшей—или выбираться...

Катринъ нѣсколько мгновеній не могла выговорить ни слова.

Наконецъ она поднялась и устремила на мужа самый презрительный взглядъ, на какой только была способна.

— Знаете что, Владимиръ Сергеичъ, проговорила она, — я считала васъ гораздо умнѣе и... plus pratique, чѣмъ вы теперь оказываетесь.

Владимиръ слегка поклонился ей.

— Merci за откровенность! Но къ вашему мнѣнію я, какъ вы знаете, довольно равнодушенъ.

— Помилуйте, о чѣмъ же вы думали? Почему этотъ домъ ему, а не вамъ, когда вы первый женились, когда у васъ уже есть сынъ, прямой продолжатель вашего рода?! А у нихъ еще увидимъ—будутъ ли дѣти... По всѣмъ правамъ, по всѣмъ, домъ этотъ долженъ принадлежать вамъ, и еслибы вы были умны, такъ давно бы ужъ все устроили...

— А вы полагаете, что я еще обѣ этомъ не думалъ?.. Я намекалъ отцу... Я, наконецъ, не далѣе какъ этимъ лѣтомъ ему высказался...

— Что же онъ?

— Молчать, будто не слышитъ! Что же я могу съ нимъ сдѣлать?!

— И зачѣмъ я не взялась за это дѣло, я бы уговорила старика, онъ такъ со мною нѣженъ, онъ бы не могъ мнѣ отказать! отчаянно проговорила Катринъ.

— Такъ значитъ напрасно вы меня обвинили въ глупости.

— Но быть можетъ и теперь еще не поздно? говорила она, не обративъ вниманія на его слова.—Я сегодня же попробую... и если нѣтъ, если онъ откажеть—извольте искать новый домъ! Я ни дня, ни дня, слышите, не хочу здѣсь больше оставаться! Да и гдѣ же тутъ... какъ устроиться... мѣста нѣтъ...

Въ ихъ старомъ дѣлѣ можно было съ полнымъ удобствомъ помѣстить нѣсколько большихъ семействъ. Но Катринъ дѣйствительно представлялось, что мѣста нѣтъ. Она занимала самые лучшіе апартаменты и для жены Бориса подобныхъ не оказывалось. Вѣдь не могутъ же они поселиться тамъ, внизу, гдѣ онъ живетъ тепрь, въ этихъ сырыхъ комнатахъ за бильярдомъ?!

Что же—ее выгонять, что ли, будуть?! это невыносимо! Но она такъ привыкла уже къ этому великодушному дому... Она хорошо знала, что купить такой врядъ ли и возможно въ Петербургѣ, а строить—когда то еще будетъ готовъ, да и все выйдетъ не то. Наконецъ, въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ она такъ заботилась обѣ украшениіи дома, столько выписано изъ-за границы и накуплено въ Петербургѣ дорогихъ вещей.

Она накупала, выписывала, Сергей Борисовичъ все это разрѣшалъ ей. Деньги выдавались изъ его конторы и зачислялись подъ рубрикой „ремонта петербургскаго дома“. Она тепрь очень волновалась, что ей не удастся присвоить всѣ эти вещи, что выйдутъ, пожалуй, непріятности.

Она почему то, выйдя замужъ, всегда думала, что она—главное лицо въ семье Горбатовыхъ, что въ будущемъ все принадлежитъ ей. И этотъ домъ, и Горбатовское—она уже считала своей собственностью. Почему, на какомъ основаніи?—она не задумывалась надъ этимъ. Она считала Бориса довольно ничтожнымъ, благодаря его деликатности и уступчивости. А мысль о томъ, что онъ можетъ жениться, не приходила ей въ голову.

ВЪ ВѢНѢ.

12 сентября 1883 г. Вѣна праздновала 200-лѣтнюю годовщину освобождения от турокъ. Это день воспоминаній и отданія чести неимовѣрнымъ усиліямъ, какія предприняты были веселымъ, беззаботнымъ, добродушнымъ населеніемъ Вѣны для защиты города и цѣлаго христіанства. Можно справедливо цѣнить великое дѣло Вѣны, которая съ необыкновеннымъ героизмомъ и терпѣніемъ выдерживала осаду турокъ и не допустила ихъ вмѣсто креста поставить полумѣсяцъ на церкви Св. Стефана, которая тогда была отличительнымъ признакомъ не только Вѣны, но и всего христіанства. Какой поворотъ произошелъ бы въ жизни того времени и что было бы съ Европой настоящей, если бы мусульманамъ удалось завладѣть Вѣной, которая въ ту эпоху составляла ключъ къ міровому владычеству?

Уже въ 1529 году Вѣна показала свою геройскую отвагу, во время осады города султаномъ Солиманомъ, продолжавшейся съ 27 сентября до 15 октября. Не смотря на многочисленные и сильные приступы и послѣ громадныхъ потерь, султанъ долженъ былъ отказаться отъ своего плана завладѣть городомъ, такъ какъ замѣчательное сопротивление вѣнцевъ подъ предводительствомъ графа фонъ-Сальма и наступившее неблагопріятное время года, дѣлали невозможнымъ продолженіе осады. Въ послѣдующее за тѣмъ время, Западная Европа была постояннымъ мѣстомъ дѣйствія кровопролитныхъ войнъ, навлекшихъ на Германію неисчислимая несчастія; неудивительно, потому что мусульманскій завоеватель избралъ это время для расширенія своей власти на западѣ. Замѣчательна численность войска, двинувшагося на Вѣну. Султанъ Мурадъ IV лично сдѣлалъ возлѣ Адріанополя смотръ своему войску, которое, по достовѣрнымъ даннымъ, простирилось до 300,000 человѣкъ, изъ которыхъ 230,000 регулярнаго войска, не считая громаднаго обоза, багажа, провіанта, лошадей и верблюдовъ. Смотръ австрійскаго войска былъ произведенъ императоромъ Леопольдомъ I 6-го мая 1683 г., возлѣ Пресбурга, послѣ торжественного богослуженія. Регулярное императорское войско состояло изъ 42,000 человѣкъ. Леопольдъ I могъ расчитывать только на помощь Германіи, между тѣмъ нашелъ неожиданного союзника въ королѣ польскомъ Янѣ Собѣскомъ. 31 марта 1683 г., въ день выступленія турецкаго войска изъ Адріанополя, Леопольдъ I заключилъ съ Собѣскимъ оборонительный и наступательный союзъ и обѣ стороны обязались подавать взаимную помощь въ случаѣ осады одной изъ двухъ столицъ—Вѣны или Кракова. Но Собѣскій не былъ въ состояніи ускорить военные сборы на столько, какъ этого требовало положеніе дѣлъ. Во главѣ 25,000 войска онъ могъ выступить въ походъ только 15 августа, когда Вѣна уже была страшно истощена и только предусмотрительность коменданта Вѣны Штаремберга и храбрость населенія могли предотвратить величайшую опасность.

Подъ предводительствомъ Кара-Мустафы, турецкое войско достигло Вѣны 14 іюля и расположилось передъ нею полукругомъ. Въ предмѣстіи св. Ульриха была разбита роскошная шелковая палатка великаго визиря, со святымъ знаменемъ пророка, которое вдохновляло магометанъ. У входа въ палатку находилось красное знамя, расписанное золотыми арабскими письменами, ясно выдѣлявшимися на пурпурномъ фонѣ. Въ этотъ же день Вѣна чуть не сдѣлалась добычею огня; загорѣлось зданіе, принадлежавшее монастырю, и огонь перекинулъ на арсеналъ; уже загорались ставни у оконъ и ходъ, ведущій въ пороховой погребъ, где было 18,000 бочекъ пороха, покрытъ былъ искрами. Всѣ въ ужасѣ бѣжали отъ опаснаго мѣста и только благодаря неустрашимости графа Гвидо Штаремберга, племянника коменданта, съ мечемъ въ руکѣ принудившаго рабочихъ тушить загорѣвшися арсеналъ, предотвращена была опасность.

Вечеромъ 15 іюля турки начали обстрѣливать городъ. Во все времена осады положеніе вѣнцевъ было отчаянное. День и ночь въ городъ попадали спарады, почти ежедневно воздухъ и стѣны потрясались взлетающими минами, для разрыва которыхъ употреблено много тысячъ пудовъ пороха. Не проходило почти дня, чтобы имущество и жизнь гражданъ не уничтожались пожарами. Къ此刻и всѣго, въ городѣ стала свирѣпствовать диссентерія, уносившая такъ много жертвъ, что на кладбищахъ не оказывалось болѣе мѣста, и трупы закапывались въ общіе большия рвы. Не смотря и на это, множество мертвыхъ валялось на улицахъ, заражая воздухъ, давая новую пищу эпидеміи. При всемъ этомъ оказывался недостатокъ сѣбѣстныхъ припасовъ, такъ что если удавалось во время вылазки захватить нѣсколькихъ воловъ, то эта добыча составляла торжество въ городѣ. Но, помимо всѣхъ невзгодъ, вѣнцы храбро выдерживали осаду, пока, наконецъ, не подоспѣла помощь. 12 сентября, послѣ тринадцатидневнаго боя съ турками, Янъ Собѣ-

скій заставилъ турокъ сняться съ лагеря и поспѣшилъ отступить. Въ этотъ же день Леопольдъ I, бывшій въ Дюренгеймѣ, былъ извѣщенъ о побѣдѣ и 14 сентября торжественно вѣхалъ въ Вѣну, при восторженныхъ привѣтствіяхъ народа. Епископъ Колонитъ совершилъ въ тотъ же день благодарственное молебствіе въ соборѣ Св. Стефана.

Дѣйствія во время осады графа Рюдигера Штаремберга, коменданта Вѣни, этого храбраго и умнаго героя, останутся на всегда въ памяти его соотечественниковъ. Вмѣстѣ съ нимъ никогда не забудется бургомистръ Ліліенбергъ, который какъ простой рабочій самъ участвовалъ въ приспособленіяхъ по укрѣплению города и умеръ въ осажденной Вѣнѣ. Рядомъ съ нимъ будетъ памятенъ графъ Гвидо Штарембергъ, своимъ геройствомъ спасшій вѣнскій пороховой погребъ, и наконецъ благородный епископъ Колонитъ, отецъ осиротѣлыхъ дѣтей, родители которыхъ были убиты и пленены турками, и всѣ храбрые и вѣрные граждане, свято исполнившіе свой долгъ.

На устроенной въ новомъ зданіи Вѣнской ратуши выставкѣ собраны и свезены со всѣхъ мѣстъ всѣ историческіе предметы, имѣющіе какую либо связь съ тѣмъ достопамятнымъ днемъ.

Столица австрійскаго государства въ настоящее время совсѣмъ не похожа на Вѣну того времени. Еще двадцать лѣтъ тому назадъ она была окружена стѣною, придававшею ей видъ болѣе военной крѣпости, чѣмъ императорской резиденціи. Бастіоны и ограды съ широкими рвами мѣшиали ея расширенію. Дѣйствительно, еще въ 1860 году Вѣна ограничивалась только тѣмъ мѣстомъ, которое теперь составляетъ ея центральный кварталъ. Ни одинъ изъ европейскихъ городовъ не подвергся такому необычайному въ короткое время измѣненію, какъ столица Габсбурговъ. Бастіоны и ограды уничтожены; рвы засыпаны; площади возлѣ укрѣплений уступили мѣсто широкимъ и прекраснымъ бульварамъ; богатые дворцы возвышаются теперь на пустынныхъ прежде мѣстахъ; оживленныя улицы соединяютъ центръ города со старыми предмѣстіями, которыя составляютъ теперь съ нимъ одно цѣлое. Это дѣйствительное обновленіе, хотя исходнымъ пунктомъ все же служить высокая башня собора Св. Стефана, откуда по всѣмъ направлѣніямъ расходятся улицы. Но сколько измѣненій въ двадцать только лѣтъ! Древніе замки—свидѣтели прошлаго—уцѣлѣвшіе посреди новыхъ построекъ, сообщаютъ Вѣнѣ особенную своеобразную печать. Вѣна—это новый городъ, настолько же красивый какъ и грандиозный, богатый и обширный, развился быстро въ царствованіе императора Франца-Іосифа.

Изъ древнихъ зданій упомянемъ императорскій дворецъ (рис. на стр. 921), въ которомъ и до сихъ поръ живутъ австрійскіе монархи, замѣчательный тѣмъ, что въ 1462 году во время споровъ за престолъ императора Фридриха III и принца Альберта VI, первый выдержалъ въ немъ осаду противъ своего соперника, къ которому примкнулъ вѣнскій бургомистръ Вольфгангъ Гольцеръ. Всѣ жители, не раздѣлявшіе симпатій бургомистра, удалились въ укрѣпленія дворца, наскоро возвѣденныя, уводя съ собою въ видѣ заложниковъ друзей Гольцера. Послѣдній, во главѣ 10,000 рабочихъ, товарищей и сослуживцевъ, осадилъ дворецъ, расположивъ свое странное войско въ Колльмарктѣ (Капустный рынокъ, нынѣ самая красавая улица). 2-го октября камни, брошенные изъ арбалетовъ, попадали въ комнату императрицы Элеоноры, куда она удалилась со своимъ сыномъ, будущимъ императоромъ Максимилианомъ. Дворецъ, однако, защищаемый вѣрнымъ императору дворянствомъ, два мѣсяца выдерживалъ осаду. Войска богемскаго короля, подоспѣвшія на помощь, прекратили распри и склонили обѣ стороны къ миру.

Начало наружнаго измѣненія города было положено императоромъ Францемъ-Іосифомъ I. Старыя укрѣпленія были признаны лишними и недостигающими цѣли, при новомъ усовершенствованіи оружія и въ 1859 году они были уничтожены. На мѣстѣ ихъ устроены широкіе бульвары, идущіе отъ центра города къ предмѣстіямъ. 1-го мая 1863 года бульвары эти были торжественно открыты въ присутствіи императора и массы народа.

Междуди многочисленными новыми зданіями Вѣны, какъ то музеями, зданіемъ парламента, ратуши, университета, министерства юстиціи, замѣчательно также монументальное зданіе Оперы (рис. на стр. 924). Вѣнская опера имѣть одинъ изъ лучшихъ въ мірѣ оркестровъ и произведенія великихъ композиторовъ ставятся на ея сценѣ очень тщательно. Нѣмецкая музыка чредуется на ней съ итальянской: Гуно и Амбруазъ Тома, Верди и Вагнеръ одинаково тамъ любимы. Эти послѣдніе композиторы очень часто сами дирижировали на репетиціяхъ своихъ произведеній.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

(Хроника четырехъ поколѣній).

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XIII.

Сватъ.

Въ это время княгиню вызвали—пріѣхалъ Сергій Борисовичъ Горбатовъ.

Генеральша засуетилась.

— Прими его, матушка, въ большой гостиной... слышь—непремѣнно въ большой гостиной! сказала она дочери.—А потомъ и ко мнѣ попроси... Скажи—я больна, никого не принимаю, а его приму и очень рада его видѣть...

Княгиня вышла и приказала просить гостя въ парадную гостиную.

Каждая вещица этой обширной комнаты оставалась неприкосновенной въ теченіи долгихъ, долгихъ лѣтъ. Потѣнамъ развѣшаны были фамильные портреты, представлявшіе кавалеровъ въ парикахъ и пудрѣ, въ кружевныхъ жабо, расшитыхъ золотомъ кафтанахъ, и дамъ съ самыми хитрыми прическами, съ цѣлыми башнями и кораблями на головахъ, въ удивительныхъ шнуровкахъ и фижмахъ.

Сергій Борисовичъ вошелъ, оглядѣлся—никого не было. Онъ нѣсколько разъ первымъ шагомъ прошелся по мягкому ковру, останавливаясь передъ портретами; но въ сущности почти ихъ не замѣчая... Его еще бодрая, худощавая фигура, не утратившая граціи прежнихъ лѣтъ, тонкое и красивое, гладко выбритое лицо, густые, сѣдые, будто обсыпанные пудрой волосы, стаинаго покроя сюртуки, ноги въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ съ красными каблуками—все въ немъ однѣмъ словомъ гармонировало съ этой обстановкой конца восемнадцатаго вѣка. Казалось, что время вдругъ ушло назадъ и реставрировало одну изъ жанровыхъ картинъ прошедшей эпохи...

Но среди этой, такъ подходившей къ нему обстановки, Сергій Борисовичъ теперь чувствовалъ себя очень неловко. Когда онъ узналъ о намѣреніи сына жениться на родственницѣ и воспитанницѣ княгини Маратовой, онъ, къ изумленію и жены и Бориса, былъ пораженъ и долго не могъ найти слова для отвѣта.

Борисъ даже встревожился и съ тяжелымъ чувствомъ спросилъ его:

— Что же вы молчите, батюшка? Неужели это значитъ, что вамъ трудно дать согласіе, что вы не желаете этого?!

Сергій Борисовичъ нервно передернулъ плечами.

— Ахъ; совсѣмъ не то, проговорилъ онъ, ты изумилъ меня... я никакъ этого не ожидалъ... что же... что же я могу имѣть противъ твоего выбора... только вѣдь я совсѣмъ ее не знаю...

— Мы съ тобой, мой другъ, такъ засидѣлись въ деревнѣ, что Борису и невозможно было найти себѣ такую невѣсту, которую бы мы съ тобой хорошо знали... Кого мы знаемъ?.. перебила Татьяна Владимировна.

— Конечно, конечно... что-жъ... поздравляю тебя, мой милый..

Онъ обнялъ сына, поцѣловалъ его, а затѣмъ вдругъ, не прибавивъ ни одного слова, вышелъ изъ комнаты.

— Что это значитъ? тревожно спросилъ Борисъ у матери.

— Не знаю... не понимаю! Я поговорю съ нимъ...

Но Татьяна Владимировна такъ ничего и не добилась отъ мужа. Онъ повторялъ ей, что ничего не имѣеть и не можетъ имѣть противъ выбора сына, если она со-

гласна и если ей нравится избранная имъ дѣвушка.

А между тѣмъ въ его тонѣ, помимо его воли, сквозило очевидно какое-то тайное неудовольствіе.

Дѣло въ томъ, что онъ почувствовалъ въ себѣ нѣкоторый разладъ. Онъ всю жизнь толковалъ о равноправности и братства человѣчества, онъ много разъ въ семейномъ кругу, передъ тѣмъ же Борисомъ, подсмѣшивался надъ „кастовыми предразсудками“—а между тѣмъ теперь чувствовалъ досаду, большую, невольную досаду, что сынъ его беретъ дѣвушку безъ рода, безъ племени. Онъ вдругъ вспомнилъ, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, развѣтленія своего генеалогического древа...

„Горбатовы всегда роднились только съ лучшими русскими семьями“... мысленно повторялъ онъ.

Ему совсѣмъ становилось за эти мысли; но онъ никакъ не могъ побороть ихъ. Не могъ онъ побороть ихъ и теперь, явившись „сватомъ“ въ домъ генеральши и ощущая въ себѣ что-то противное, какъ будто „чувство униженія“.

„Какое малодушіе, какое малодушіе!“ думалъ онъ.

У двери показалась княгиня и впечатлѣніе жанровой картины восемнадцатаго вѣка совершенно разрушилось при появлѣніи ея тучной фигуры, одѣтой по самой послѣдней модѣ и съ черными, скакавшими по обѣимъ сторонамъ ея щекъ, тирбушонами.

Сергій Борисовичъ, со всѣми приемами Екатерининскаго царедворца, отвѣсилъ почтительный поклонъ и подошелъ къ рукѣ княгини.

— Я рѣшился васъ побезпокоить, княгиня, по семейному дѣлу, которое вамъ уже известно, началъ онъ официальнымъ тономъ, но она его перебила.

— Сергій Борисычъ, сказала она приглашая его садиться,—къ сожалѣнію, мы мало знаемъ другъ друга; но, что касается до меня, я говорю вамъ это отъ сердца (и по ея лицу, по ея умнымъ, добрымъ и круглымъ глазамъ Сергій Борисовичъ увидѣлъ ясно, что ей можно вѣрить). Я васъ уважаю и обращаюсь къ вамъ какъ къ человѣку прямому, искреннему. Свѣтскихъ тонкостей не должно быть между нами... Скажите мнѣ прямо—имѣете ли вы что нибудь, и если имѣете, то что именно, противъ этого брака?

Сергій Борисовичъ робко взглянулъ на нее и даже немного покраснѣлъ.

— Я думалъ, что моя жена уже сказала вамъ, что я далъ свое согласіе...

— Да, Татьяна Владимировна мнѣ передала обѣ этомъ... Но вѣдь согласіе согласію—рознь, Сергій Борисычъ!

— Мое согласіе искренно, перебилъ онъ.—Я довѣряю моему сыну и сожалѣю только о томъ, что не имѣль случая до сихъ поръ близко познакомиться съ его невѣстой. Но вѣдь такой случай у отцовъ бываетъ не часто. Я постараюсь наверстать потерянное время—вотъ и все.

Княгиня изъ всѣхъ силъ старалась прочесть въ его лицѣ, въ звукахъ его голоса, какойнибудь признакъ неудовольствія. Но онъ уже успѣлъ совладѣть съ собою —и она ничего не могла замѣтить.

— Моя родственница, продолжала она,—Нина Ламзина, которую я люблю какъ дочь, будетъ почти единственной послѣ меня наследницей... Я даже постараюсь о томъ, чтобы имѣть право передать ей мое родовое имѣніе... Она добрая и хорошая дѣвушка, ее, слава Богу, хорошо воспитали и она искренно любить вашего

сына.... Но все же... я понимаю это, она... по принятому въ свѣтѣ мнѣю... не можетъ, не можетъ почестися хорошей для него партіей... И вотъ это смущаетъ меня... И я хотѣла бы слышать отъ васъ, какъ вы на это смотрите?! Я принимала вашего сына и всегда была рада его видѣть у себѣ... Я увѣрена, знаю заранѣе, въ свѣтѣ будуть говорить, что мы его ловили... Но я не хочу, чтобы вы такъ думали, потому что это неправда... спросите его...

Она смущилась и замолчала.

Сергѣй Борисовичъ всхихнуль.

— Княгиня, проговорилъ онъ, я во многомъ не раздѣлю общихъ взглядовъ, и я не дамъ вамъ повода такъ думать про меня, какъ вы, судя по словамъ вашимъ, думаете. Я не искалъ для моего сына блестящей партіи... Я никогда не судилъ о семейномъ счастьи со стороны богатства, происхожденія и тому подобнаго. Если они любить другъ друга, если Нина Александровна достойная девушка, въ чемъ я ни на минуту не усомнился,—чего же больше! Я постараюсь сдѣлать все, чтобы она признала меня отцомъ не по имени только. А теперь одно, что я могу—это благодарить васъ за вашу любовь къ ней, за ваши о ней попеченія...

Слезы такъ и брызнули изъ глазъ княгини. Она прокинула обѣ руки Сергею Борисовичу.

— Что же я послѣ этого могу сказать вамъ? прерывающимся голосомъ произнесла она,—ниѣ то какъ благодарить васъ?!

— Меня вамъ благодарить еще не за что, княгиня, ласково улыбнувшись, со своей обычной простотой, сказала Сергѣй Борисовичъ...

Въ это время въ гостиную вошла Нина. Она знала, что здѣсь отецъ Бориса, она долго не рѣшалась войти; но наконецъ пересилила себя.

Этотъ красивый, старомодный человѣкъ, котораго она видѣла всего раза три, производилъ на нее очень приятное впечатлѣніе. Но она не только прежде, конечно, а даже и теперь, въ это послѣднее время, уже послѣ рѣшительного объясненія съ Борисомъ, какъ то о немъ совсѣмъ не думала. Не думала, что онъ станетъ ей близкимъ человѣкомъ. Она робко, почти съ мольбою взглянула на него, но рѣбѣть передъ нимъ не было возможности. Не прошло и минуты, какъ она забыла свое смущеніе и говорила съ нимъ просто и искренно, глядѣла на него прямо своими глубокими, прекрасными глазами.

Онъ видимо въ нее всматривался и видимо былъ доволенъ своими наблюденіями. Онъ съумѣлъ, наконецъ, отѣлаться отъ того мучительнаго и противнаго чувства, въ которомъ ему было такъ стыдно даже передъ самимъ собою признаться. Онъ позабылъ всѣ надѣлывая вѣточки своего родословнаго древа. Онъ только повторилъ про себя:

„Что за прелесть! что за прелесть!.. Я никакъ и представить себѣ не могъ, что она такъ хороша... и что вообще она такая”...

Наконецъ ему стало совсѣмъ легко и свободно...

Княгиня попросила его зайти къ генеральшу. Онъ всталъ и сказалъ пожимая руку Нинѣ:

— Я очень счастливъ сегодня, цѣли причиной этого счастья...

Она покраснѣла и благодарно взглянула на него. Этими немногими словами онъ отѣтилъ ей на всѣ поднимавшіеся въ ней и смущавшіе ее вопросы.

Генеральша принялъ Сергѣя Борисовича какъ давнишнаго знакомаго, почти какъ друга. Другомъ онъ ей никогда не былъ, но знакомство ихъ дѣйствительно было старинное. Они встрѣчались въ свѣтѣ еще въ послѣднюю четверть прошлаго вѣка, при дворѣ императрицы Екатерины, когда генеральша была еще, если не молода уже, то во всякомъ случаѣ очень красива. А онъ былъ тогда цветущимъ, розовымъ юношемъ, которо-

му всѣ прочили самую блестящую будущность, о которой говорили какъ о новомъ, восходящемъ свѣтыль.

Генеральша въ то время, подобно многимъ женщинымъ и девушкимъ высшаго петербургскаго общества, была плѣнена его красотою и сѣдѣстью. Встрѣчаясь съ нимъ въ гостиныхъ и на балахъ, она выказывала ему не мало знаковъ своего „особеннаго“ вниманія. Тогда ему стоило захотѣть, стоило хоть на минуту остановиться на мысли о ней—и къ нему полетѣли бы ея иѣжныя записочки.

Но онъ ни на нее, да и ни на кого не обращалъ тогда вниманія. „Ни на кого“,—только по этому генеральша и простила ему впослѣдствіи его равнодушіе и потому, въ теченіе всей жизни, изрѣдка встрѣчаясь съ нимъ, неизмѣнно выказывала ему уваженіе.

Вообще нужно сказать: она, хотя никогда и не задумывалась надъ этимъ, но безсознательно уважала всѣхъ тѣхъ мужчинъ, которые не обращали на нее вниманія и которымъ она не писала, дрожа отъ страха передъ своимъ законнымъ супругомъ, раздущенныхъ записокъ.

Изъ первыхъ же словъ Сергѣя Борисовича она теперь убѣдила въ томъ, что дочь ея не увлекалась и была права.

„Эта Нина видно и впрямь въ сорочкѣ родилась!“ подумала она.—„А впрочемъ—вѣдь я же разрешила ей называть меня „grand' tante“, она выходитъ изъ моего дома—это все же много значитъ!“

Она почти совсѣмъ успокоилась на такой мысли.

XIV.

Кровная обида.

Владимиръ сидѣлъ передъ своимъ письменнымъ столомъ и, что съ нимъ случалось не особенно часто, былъ погруженъ въ чтеніе какихъ-то разложенныхъ передъ нимъ бумагъ. Дверь кабинета была заперта на ключъ. Владимиръ иногда отрывался отъ чтенія, откидывался на спинку кресла, морщилъ лобъ, очевидно обдумывая что-то крайне для себя важное. Потомъ снова принимался перелистывать бумаги, останавливался на нѣкоторыхъ страницахъ, перечитывая ихъ по нѣсколько разъ, отмѣчая ихъ карандашемъ.

Вотъ онъ поднялся съ мѣста и торопливо прошелся по комнатѣ.

Ему, дѣйствительно, приходилось о многомъ подумать. Онъ недавно потерялъ неудачу по службѣ, его „обошли“, ему предпочли другого. И случилось это совсѣмъ неожиданно, случилось въ то время, когда онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ.

Онъ выдержалъ себя прекрасно, никому и виду не подалъ, не проговорился ни однимъ словомъ, но глубоко затаилъ въ себѣ обиду и сталъ изыскивать всѣ способы, какъ бы поправиться и подняться и сразить этимъ „враговъ“ своихъ.

Между тѣмъ нѣкоторые старые приятели, поймавъ два-три его слова, въ которыхъ сказывалось „недовольство“, задумали и его, какъ человѣка энергического и довольно влиятельнаго, а потому способнаго быть полезнымъ дѣлу, притянуть къ своему „обществу“.

Открытій, имъ сдѣланнаго, его очень изумили; но онъ, по своему обычью, не выказалъ этого изумленія, обстоятельно все выслушалъ, разузналъ и не сталъ спорить съ молодыми мечтателями, какъ это сдѣлалъ его братъ. Онъ вовсе не отказался примкнуть къ нимъ; но началъ двойную игру. Онъ попросилъ дать ему время все хорошенько обдумать и обстоятельно ознакомиться съ дѣломъ.

Довѣрчивые и искренніе молодые люди не могли въ немъ сомнѣваться—въ „такомъ человѣкѣ“, изъ такой семьи и съ такими благородными традиціями. Достаточно оказалось его „словъ“—и въ рукахъ у него очутилось не мало очень важныхъ и сильно компрометирующихъ документовъ...

Нѣтъ, надо устроить это дѣло! зачѣмъ переѣзжать. Она не хочетъ. Она не отдастъ этого дома, одного изъ самыхъ роскошныхъ и лучшихъ домовъ въ Петербургѣ; она такъ его любить, такъ давно восхищалась имъ, еще даже не зная что будетъ жить въ немъ.

Она вышла отъ мужа и направилась къ Татьянѣ Владимировнѣ. Тамъ она застала и Сергѣя Борисовича, и Бориса.

При ея входѣ Сергѣй Борисовичъ говорилъ:

— Да, и это серьезно, мнѣ очень грустно стало, когда я подумалъ о такомъ съ вашей стороны недовѣріи. Зачѣмъ ты отъ меня скрывалъ такъ долго? обратился онъ къ Борису.—Развѣ ты имѣлъ право хоть минуту во мнѣ сомнѣваться.

Но Татьяна Владимировна встала на защиту своего любимца.

— Если кто виноватъ—такъ это я, перебила она мужа.—Онъ и отъ меня скрывалъ. Я сама съ нимъ заговорила объ этомъ, сама вымыслила.

— Откуда же ты узнала? Какъ догадалась?

— А вотъ это она мнѣ подала мысль—указала Татьяна Владимировна на Катрину.

Сергѣй Борисовичъ покачалъ головою.

— Нѣтъ, не хорошо, не хорошо! повторилъ онъ.—Теперь чего же мнѣ ждать, я скоро совсѣмъ чужой буду между вами... Но довольно обѣ этомъ! ради твоей прелестной невѣсты я не могу больше сердиться.

Катринѣ едва выдержала; но все же постаралась улыбнуться и обратилась къ Борису.

— Когда же свадьба, если это не секретъ?

— Какъ ты спѣшишь! отвѣчалъ Борисъ.—Обѣ этомъ еще никто не думалъ.

— Я спрашиваю не изъ пустого любопытства—мнѣ, видишь ли, какъ можно скорѣе надо знать, когда твоя свадьба... Намъ нужно въ время приготовиться для того, чтобы переѣхать куда нибудь и очистить вамъ мѣсто.

Всѣ изумленно на нее взглянули.

— Развѣ въ нашемъ домѣ не хватить для всѣхъ мѣста? сказалъ Сергѣй Борисовичъ.

— Разсудите хорошенько и увидите, что не хватить, протянула Катринѣ.

— Я во всякомъ случаѣ васъ стѣснять не стану, замѣтилъ Борисъ.—Мнѣ, я признаюсь, хотѣлось бы ввести мою будущую жену хоть на первое время въ этотъ домъ. Но вѣдь намъ нужно комнаты три, четыре—не больше. Мои привычки вы знаете, а она тоже неизбалована.

— Избаловаться не трудно! неутерпѣла Катринѣ, но тотчасъ же и замолчала, замѣтивъ строгій, блеснувшій взглядъ Татьяны Владимировны.

Борисъ продолжалъ:

— Но разъ ты ужъ заговорила обѣ этомъ, Катринѣ, я скажу вотъ что: мы все хорошенько обдумаемъ и если встрѣтятся какія нибудь затрудненія, намъ можно будетъ нанять другой домъ и ужъ конечно намъ, а не вамъ—обѣ этомъ не можетъ быть и рѣчи, это само собою разумѣется...

— Вы говорите пустое! вдругъ сказалъ Сергѣй Борисовичъ. Пока я живъ, вы должны оба, и ты и Владимѣръ, жить въ этомъ домѣ. Мѣста довольно, слава Богу, тѣмъ болѣе, что мы съ матерью случайные гости. И мнѣ очень странно, Катринѣ, что ты поднимаешь такие вопросы...

Онъ вышелъ, очевидно, нѣсколько раздраженный. Ему стало какъ то тяжело и неловко. Хотя онъ еще и не зналъ, чего можно ожидать отъ Катринѣ, но уже понялъ, что встаютъ вопросы, которыхъ онъ до сихъ поръ какъ-то не предвидѣлъ, которые никогда еще не вставали передъ нимъ въ его жизни.

Татьяна Владимировна сдѣлалась совсѣмъ мрачной. Она то ужъ все хорошо понимала. Она уже знала, что въ

семье есть врагъ, что этотъ врагъ уже принесъ много горя, а впереди грозитъ еще большимъ горемъ...

XV.

Трудныя минуты.

Женщина, болѣе или менѣе одаренная отъ природы, каковы бы ни были ея направленіе и характеръ, почти всегда въ числѣ своихъ свойствъ имѣеть ясное пониманіе данного положенія, умѣеть въ немъ разобраться. Такъ и Нина, несмотря даже на всю исключительность своей натуры, на жизнь, проводимую въ мечтаніяхъ, въ сознательномъ и настойчивомъ удаленіи себя отъ дѣйствительности, уже въ разговорѣ съ генеральшей доказала, что понимаетъ свое положеніе. Она въ эти дни передумала и перечувствовала многое и въ томъ числѣ нѣсколько разъ возвращалась къ мысли о томъ, что ее ожидаетъ въ семье Горбатовыхъ и какъ она теперь должна вести себя.

Заговорившія въ ней теперь съ никогда еще нѣвѣданной ею силой требованія жизни, а также всю ее наполнившее, и въ теченіи лѣта утвердившееся, страстное чувство къ Борису—сдѣлали свое дѣло. Онъ заставили ее наконецъ повѣрить тому внутреннему голосу, который уже давно и настойчиво твердилъ ей, что татариновскія откровенія, экстазы и восторги—не есть истинное служеніе Богу и достиженіе состоянія благодати.

Теперь она уже не считала этотъ голосъ вражескимъ наважденіемъ. Все это прошло. Эти воспоминанія вечернихъ собраній сестеръ и братьевъ ее смущали и ей даже становилось за себя стыдно.

Пока она еще находилась подъ вліяніемъ горячихъ словъ и убѣждений Татариновой и получала въ нихъ оправданія и объясненія, даже возведеніе въ правственную обязанность этихъ экстазовъ,—ея совѣсть была спокойна и молчала. Теперь же, когда нервы нѣсколько укрепились, когда она вышла изъ подъ вліянія Татариновой и очутилась подъ новымъ вліяніемъ—ей вдругъ всѣ эти экстазы представились въ иномъ свѣтѣ. Она, хотя и безсознательно, не мыслью, а чѣмъ то новымъ, въ ней заговорившимъ, стала проникать въ ихъ настоящій смыслъ, стала догадываться, что все это было не иное что какъ страсть, чувственность, что это-то и былъ настоящій „грѣхъ“, котораго „братья“ и „сестры“ на словахъ такъ боялись.

Она конечно не могла передѣлать своей нервной, страстной природы, не могла подавить въ себѣ исканій тонкихъ и сильныхъ ощущеній. Но она опять таки теперь предчувствовала и постигала, что найдетъ ихъ въ наполнившей ее любви къ Борису, что эта любовь, естественная и законная, дастъ ей все, чего ей нужно и будетъ для нея именно той новой, прекрасной жизнью, которую до сихъ поръ она такъ томительно и напрасно искала.

И все это будетъ уже не сонъ, не бредъ, среди которыхъ она жила еще недавно, а будетъ—явь.

Пока она жила среди сна и бреда, ей незачѣмъ было думать о всемъ томъ, что представлялось ей второстепеннымъ, ей не нужно было смотрѣть себѣ подъ ноги, ощупывать почву подъ собою. Во снѣ люди летаютъ, во снѣ дѣйствуютъ иные, неземные законы. Но теперь настала явь—и она поняла, что непремѣнно нужно смотрѣть себѣ подъ ноги, расчитывать каждый шагъ свой, чтобы не упасть, не нанести вреда себѣ, а главное, тому, кто ей сталъ теперь такъ дорогъ.

Въ этомъ сказалаась женщина; впрочемъ женщина сказалаась еще и въ другомъ.

Нина уже давно, еще прошлой весной, до своей болѣзни и отѣзда въ деревню, въ разговорахъ съ Борисомъ, опять таки инстинктивно (и въ тогдашнемъ ея состояніи безъ всякихъ расчетовъ), вывѣдала отъ него всѣ его отношенія къ домашнимъ и близкимъ ему дѣтямъ. Онъ говорилъ съ нею конечно очень

Египтянка. Съ фотограф. грав. Дзедзицъ,

и теперь она была болѣе или менѣе знакома со всѣмъ; что ей нужно было знать.

Она вспоминала всѣ его слова, всѣ оттѣнки, заключавшіеся въ словахъ этихъ. Она присоединила къ нимъ и свои собственныя, хотя и незначительныя наблюденія, сдѣланныя ею во время ея рѣдкихъ встречъ въ обществѣ съ родными Бориса.

Его отца она уже теперь знала, обѣ его матери она помышляла съ восторгомъ, она чувствовала, что не можетъ обмануться въ сдѣланномъ уже ею себѣ представлѣніи обѣ этой женщины. Ее смущали его братъ и Катринъ.

Ей было ясно, что они не могутъ къ ней хорошо отнестись. Съ ними навѣрное предстоитъ борьба, ихъ нужно обезоружить, если это возможно. Если же нельзя, то слѣдуетъ хрошенко и спокойно разглядѣть ихъ и не дать себя въ обиду.

Дойдя до такого рѣшенія, она вдругъ почувствовала, и даже не пришла отъ этого въ ужасъ, какъ вѣроятно сдѣлала бы еще недавно, что въ ней вовсе нѣтъ особенной кротости и смиренія. Она почувствовала въ себѣ какія то новыя, воинственные наклонности, она приготовливала къ борьбѣ и вооружалась на первое время.

Она рѣшилась прежде всего выдвинуть передъ собою, какъ средство защиты, спокойствіе и хладнокровіе. Она становилась неузнаваема. Въ жизни женщины бываютъ такія минуты, когда она неожиданно появляется совсѣмъ въ новомъ видѣ и находить въ себѣ такие ресурсы, которыхъ ни сама она, ни окружающіе никогда въ ней не подозревали.

Нужно было видѣть какою великолѣпною, именно великолѣпною, входила Нина, сопровождаемая княгиней, въ домъ Горбатовыхъ.

Княгиня очень тревожилась обѣ этомъ первомъ посѣщеніи, зная пѣкоторыя странности Нины, ее дикость, очень часто находившую на нее въ обществѣ. Она все больше и больше за нее боялась, такъ какъ Нина всю дорогу не сказала ни слова и была какая-то загадочная...

Теперь княгиня боязливо на нее взглянула—и поразилась. Она не прочла въ ея лицѣ ни знакомой ей дикости, ни нонсенса въ такихъ обстоятельствахъ смущенія. Нина была только опять блѣдна, но вся ея фигура дышала достоинствомъ и граціей. Она была до такой степени изящна и красива, что княгиня почувствовала въ себѣ даже гордость ею. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше приходилось ей радоваться и изумляться.

Татьяна Владиміровна встрѣтила ихъ въ своей любими, уже давно намъ извѣстной маленькой гостиной.

Нина вошла первая. Татьяна Владиміровна протянула къ ней обѣ руки, обняла ее, крѣпко поцѣловала.

Онѣ нѣсколько мгновеній молча глядѣли другъ на друга. На глазахъ ихъ навернулись слезы. Онѣ много, все что имѣ надо было, сказали глазами другъ другу и все поняли. Это первое взаимное впечатлѣніе не могло ихъ обманывать.

Татьяна Владиміровна почувствовала, что на этотъ разъ ошибки не будетъ, не можетъ быть, что ея любимецъ, Борисъ, сдѣлалъ совсѣмъ не такой выборъ какъ Владимиръ. Она и до сихъ поръ въ это вѣрила—теперь же совсѣмъ уѣдилась.

Нина въ свою очередь ясно и отчетливо читала во взглядѣ этой красавицы-старухи все, что онѣ говорилъ ей. Онѣ говорилъ:

„Скажи, любишь ли ты его той истинной, Богомъ благословляемой любовью, которая какъ рѣдкое благополучіе нисходитъ въ человѣческое сердце съ тѣмъ, чтобы никогда изъ него не выйти, которая живетъ въ немъ не смотря на всѣ препятствія и невзгоды, все побѣждаетъ, преодолѣваетъ и является наконецъ торжествующей, неся за собою возможное на землѣ счастье? Любишь ли ты его такой любовью, чтобы забыть себя, все

что до сихъ поръ было твоимъ и тебя наполняло и на вѣки уйти въ его жизнь, слиться съ нею такъ, чтобы его жизнь сдѣлалась твоей жизнью? Можешь ли ты пойти за нимъ куда бы онъ ни повелъ тебя, пойти безъ оглядки, безъ сомнѣній, безъ страха?“

И глаза Нины отвѣтили ей:

„Да, я именно такъ люблю его! Я колебалась, я заблуждалась, я себя не понимала. Но я любила его всегда, и ждала его, и искала его всюду. И теперь ужъ не уйду отъ него...“

Долго шелъ этотъ безмолвный разговоръ, быть можетъ даже черезчуръ долго, такъ что со стороны такая встреча показалась бы странной и непонятной. Но свидѣтельствомъ ея была только княгиня и оказалось, что она ионяла эту встречу и не изумилась ей.

Раскраснѣвшаяся, съ влажными и свѣтящимися глазами, она стояла затаивъ дыханіе въ своей могучей, высоко поднимавшейся груди, боясь шевельнуться чтобы не помышлять этому важному, нѣмому разговору. Она была растрогана до глубины души; но въ тоже время въ ней внезапно поднялось и заговорило тоскливо чувство.

Ей становилось ясне и ясне до какой степени она полюбила Нину. Въ ея разсѣянной и пустой жизни явился серьезный интересъ. Эта жизнь, отъ которой она никакъ не могла освободиться, въ которую она незамѣтно втянулась, все же порою ее тяготила и она рада была найти новый смыслъ своего существованія. Ей дорого было сознать, что есть существо, которому она нужна. И вотъ Нина отъ нея уходитъ теперь, она больше уже не нужна Нинѣ, она сдастъ ее въ надежныя, хорошия руки, она счастлива ея счастьемъ... Но съ чѣмъ она теперь останется?

Въ послѣднее время, выѣхавши куданибудь одна, она не разъ неожиданно и невольно поднималась ранѣе обыкновенного и спѣшила домой. Она знала, что тамъ встрѣтить привѣтливый взглядъ Нины, что будетъ съ чѣмъ потолковать по душѣ, поговорить такъ, какъ она конечно почти никогда не говорила ни съ чѣмъ...

А теперь Нина уходитъ и не къ кому уже ей будетъ возвращаться.

Вся обстановка ея жизни показалась ей вдругъ такой томительной, скучной — ни души живой!.. А вѣдь приходитъ старость!.. Вотъ временами чувствуется утомление, тяжесть, чего прежде не бывало. Да, придется старость и она — одна, одна, у нея не будетъ даже, какъ у ея матери, какой нибудь Пелагеи Петровны...

Но она, на сколько это было въ ея силахъ, сдавила въ себѣ горькое чувство.

Татьяна Владиміровна пришла наконецъ въ себя и только тутъ увидѣла княгиню.

Она крѣпко сжала ей руку и шепнула:

— Простите, дорогая!

Начался обычный, естественный въ такихъ обстоятельствахъ разговоръ.

Татьяна Владиміровна распрашивала Нину обѣ ея прошломъ, обѣ ея дѣтствѣ, то есть о томъ, чего она еще не знала про ея прошлое и дѣтство.

Но Нина увидѣла, что она знаетъ уже очень многое. Оказалось, что черезъ Бориса онѣ уже хорошо знакомы другъ съ другомъ...

И княгинѣ опять приходилось восхищаться Ниной и она ловила въ глазахъ Татьяны Владиміровны такое же восхищеніе.

Наконецъ въ маленькую гостиную уже нѣсколько измѣнившейся, но все еще довольно легкой походкой вошла Катринъ. Что она сдѣлала со своимъ лицомъ — неизвѣстно; но это лицо теперь было совсѣмъ инымъ, чѣмъ прежнее, всегдашнее, знакомое и княгинѣ и Нинѣ.

Все это лицо, такое юное и съ такими еще дѣтскими чертами, дышало гордостью и чванствомъ. Алые пухлые губки были сложены въ самую презрительную мину.

Татьяна Владимировна взглянула на нее, вспыхнула и отвернулась.

А между тѣмъ Катринъ, не измѣня выраженія своего лица, обратилась къ Нинѣ съ самыми любезными фразами. Она заговорила съ никогда не покидавшимъ ее апломбомъ. Но тѣмъ изысканїе, тѣмъ любезнѣе были ея фразы, тѣмъ большимъ презрѣніемъ отъ нея вѣяло.

Она давала понять, какъ только умѣеть это женщина, свое сознаваемое ею превосходство. Она видимо хотѣла совсѣмъ раздавить Нину этимъ превосходствомъ и указать ей ея настоящее мѣсто. И ей дѣйствительно удалось, опять-таки безъ словъ или, вѣрнѣе, прикрываясь самыми любезными словами, очень вразумительно объяснить Нинѣ:

„Ты втираешься въ этотъ домъ, но не воображай, что нося имя, носимое также и мною, ты станешь мнѣ равной! Знай, что ты останешься такимъ же ничтожнымъ существомъ, какое ты есть...“

Но тутъ случилось нѣчто странное.

Вдругъ Катринъ стала какъ то путаться, вдругъ она стала понимать, что побѣда, казавшаяся ей такой легкой и неизбѣжной, ускользаетъ изъ ея рукъ, что этотъ хотя дерзкій, но бессильный врагъ—не поддается. Эта блѣдная нищая дѣвчонка, это „привидѣніе“ не опускаетъ передъ нею своихъ глазъ, не чувствуетъ видимо себя приниженней, уничтоженней.

Ея изумленіе росло съ каждой минутой.

На ея фразы Нина отвѣчала такими же отборными фразами и въ тоже время глядѣла на нее съ большимъ достоинствомъ и спокойствиемъ, съ нѣкоторымъ любопытствомъ, дерзкимъ, возмутительно дерзкимъ любопытствомъ.

Наконецъ Катринъ прочла даже на губахъ Нины не то снисходительную, не то насмѣшливую улыбку.

„Да что же это—она ничего не понимаетъ что ли?!“ подумала она.

Но досада, бѣшенство, смущеніе, поднявшіяся въ ней, ясно ей сказали, что—нѣть, что „привидѣніе“ все понимаетъ, но не сдается, не боится ее, не смущается и даже, пожалуй, смеется надъ нею.

„А, такъ она еще и интриганка, низкая интриганка?!“ бѣшено подумала Катринъ и вдругъ перестала владѣть собою, и даже безъ извиненій и объясненій порывисто вышла изъ комнаты.

Ее душила злоба, ей хотѣлось плакать, царапаться и она не знала на кого накинуться.

Она встрѣтила Владимира, очевидно идущаго въ маленькую гостиную.

— Ступайте, ступайте! прошипѣла она ему. — Спѣшите рекомендоваться вашей belle soeur, попросите ея благосклонности!..

— Я не могу... не могу выносить ее! вдругъ закричала она. — Она отвратительна, невозможна... это позоръ!.. ça n'a pas de nom!.. за что меня унижаютъ?! въ какую семью я попала!..

Владимиръ стиснулъ кулаки.

— Однако, прошепталъ онъ,—вы не забывайтесь, пе то вѣдь и моему терпѣнію можетъ быть конецъ...

Онъ поспѣшилъ отъ нея прочь.

Вѣдь она способна сдѣлать сцену на весь домъ, эта грубая женщина,—а онъ пуще всего ненавидѣлъ всякия сцены и боялся ихъ.

Войдя въ гостиную онъ уже успѣлъ подавить въ себѣ раздраженіе. Онъ казался веселымъ и милымъ. Его любезность не имѣла въ себѣ ничего неестественнаго. Онъ подсѣлъ къ Нинѣ въ свободной позѣ и сталъ обращаться къ ней съ тѣмъ милымъ оттенкомъ фамильярности, который можно допустить относительно будущей близкой родственницы.

Онъ съ видимымъ любопытствомъ въ нее вглядывался.

„А вѣдь она съ прошлой зимы поправилась и похорошѣла! думалъ онъ.—Она уже не совсѣмъ „привидѣніе.“ И хороша, очень хороша! Какие глаза! Какъ сложена! Какія прекрасныя руки!“

Онъ даже успѣлъ замѣтить на мгновеніе показавшуюся и скрывшуюся въ шелковыхъ оборкахъ маленькую ножку Нины.

Подъ конецъ въ немъ заговорило хорошо ему знакомое чувство зависти. Ему стало досадно, что вотъ у него жена хотя и хорошенъкая, но не представляющая для него уже никакого интереса. А вотъ эта красавица дѣвушка любитъ Бориса и будетъ принадлежать ему...

Онъ сталъ еще бездрамоннѣе въ нее вглядываться и оцѣнивать ея физическія достоинства.

Нина это чувствовала и ей было неловко и обидно.

„Онъ разглядываетъ меня какъ какую нибудь лошадь!“ подумала она.

Но въ это время вошелъ только что вернувшійся домой Борисъ. Она вспыхнула и забыла все—и Катринъ, и Владимира. Тоска и обида, начинавшія было невольно закрадываться въ ея сердце, замерли. Она почувствовала себя сильной и къ тому же имѣющей надежную опору.

Она благодарно взглянула на Татьяну Владимировну, на Бориса—и все лицо ея засвѣтилось счастьемъ.

(До слѣд. №).

Лолковникъ изъ Золотоноши.

Историческая повѣсть

А. Н. Кирилова.

(Продолженіе).

XXI.

Тихая майская почь окутывала сѣѧній Буджакъ. По майдану ложились длинныя тѣни окружавшихъ его куреней, не высокая деревянная церковь запорожцевъ была залита мерцающимъ луннымъ свѣтомъ. Тишина была полная. Только свѣтившійся у атамана огонекъ, да ходившій около подѣзда его часовой, обнаруживали жизнь и нарушили глубокую тишину запорожской столицы.

Атаманъ еще не спалъ. Онъ поджидалъ посланного изъ Измаила съ извѣстіемъ отъ генерала Тучкова, которому было сообщено о желаніи Сѣчи перейти на сторону русскихъ. Осипъ былъ взволнованъ, его беспокоили отсрочки дѣла. Турецкія власти подозрительно смотрѣли на запорожцевъ, на необычное приготовленіе ими каботажныхъ судовъ, на ихъ усиленную лихорадочную дѣятельность. Уже нѣсколько разъ вызывали Осипа въ Бабадагъ, спрашивали о состояніи умовъ запорожцевъ, о томъ, какъ принято ими объявление войны Россію, старались успокоить его, что турецкая армія не допустить неправды чрезъ Дунай русскихъ и проч. Съ своей стороны Осипъ молчалъ или удостовѣрялъ властей, что Запорожье останется вѣрнымъ Султану, что въ виду военныхъ событий они

спѣшить выбѣхать въ море на усиленные уловы рыбы, такъ какъ Сѣчъ только этимъ и кормится; что въ случаѣ надобности Запорожье можетъ сформировать отрядъ и стать въ ряды турецкой арміи. Эта неблаговидная роль тяготила Осипа, приходилось хитрить, обманывать честныхъ людей...

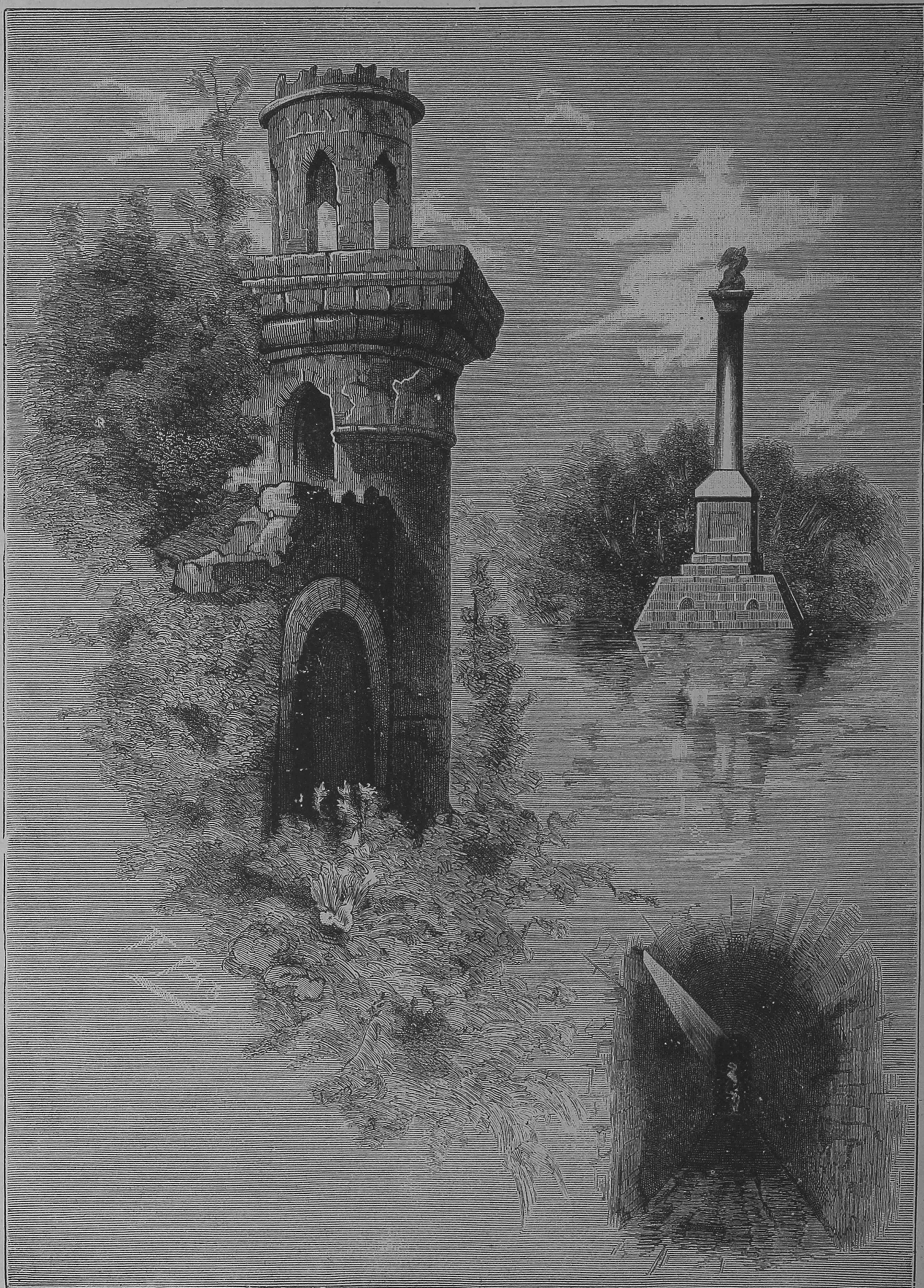
Послышался конскій топотъ. Всадникъ быстро промчался по майдану, остановился у куреня атамана, отдалъ лошадь часовому, а самъ быстро скрылся въ атаманскихъ покояхъ.

— Ну что Павлюга? обратился Осипъ къ вошедшему куреному атаману Плавчерина, который вѣль переговоры съ Тучковымъ.

— Уложено, какъ нельзя лучше, отвѣтилъ Павлюга, едва переводя духа отъ усталости.

— Что генераль? нетерпѣливо прервалъ атамантъ.

— Постой, подожди, дай отдохнуть немного. Видишь-ли, продолжалъ Павлюга, 7-го мая прибылъ Государь Императоръ и прямо въ Браиловъ на осадные работы. Генераль видѣлъ Царя и говорилъ объ настѣ. Царь милостиво отнесся и сказалъ: не мнѣ-де судить ихъ, пусть переходятъ къ намъ и выберутъ себѣ земли на Кавказѣ, гдѣ ихъ родичи живутъ. Генераль совѣтуетъ, чтобы мы пристали къ Измаилу, тамъ настѣ не задержать на

Царское Село. Старая башня, Чесменская колонна и подземная галерея между ними.
Ориг. рис. съ натуры П. Гнѣдича, грав. М. Ращевскій.

1) Главный фасадъ дворца. 2 и 2) Боковые фасады. 3) Окно залы. 4) Видъ дворца съ Невы. 5) Внутренность залы, заросшая кустами. 6) Видъ на Неву съ площадки главнаго фасада.

Загородный дворецъ князя Потемкина на Невѣ (въ 32 в. отъ Спб).

Ориг. рис. съ натуры В. Шпака, грав. М. Рашевскій.

карантинной заставѣ, а какъ прибудетъ Государь въ Измаилъ, онъ насъ представить ему и испросить для насъ милости.

— Это тебѣ самъ генералъ говорилъ? спросилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ Осипъ, почти не довѣряя словамъ Павлюги.

— А кто же? Сталъ бы я слушать о царевыхъ словахъ отъ кого другаго.

— Ну, братъ, Павлюга, надо рѣшать скорѣе.

— Разумѣется рѣшать, чего дожидаться.

— Тебѣ то легко, а подумай, каково мнѣ. Явиться передъ глазами Государя съ повинною за себя и за весь кошъ — шуточное дѣло! Видаль я пашей, генераловъ, говорилъ съ ними, но тѣ были не наши, они сами по себѣ, я съ кошемъ самъ по себѣ. А здѣсь нашъ русскій законный Царь, владыка нашего необъятнаго царства, нашъ отецъ, покровитель нашей церкви.

Осипъ былъ какъ въ лихорадкѣ. Промелькнуло передъ нимъ его прошлое ничтожество, его страхъ передъ какимъ-нибудь даже золотоношскимъ комиссаромъ, а теперь приходится стать съ глазу на глазъ передъ русскимъ Царемъ и говорить за цѣлый кошъ!

— Ты, атамант, не смущайся, началь успокоивать его старикъ Павлюга. Царь, говорить, молодой, добрый; ты малый грамотный, наученный, знаешь какъ съ людьми говорить, видаль ихъ не мало. Да и самъ посуди, кому же отъ коша лучше тебя сказать Царю слово...

— Такъ-то такъ Павлюга, но вѣриши-ли, не изъ трусливыхъ я, а носить сердце отъ страха. Ну, да ничего, Богъ милостивъ!.. У васъ все готово?

— Какъ сказано, такъ и сдѣлано, отвѣтилъ Павлюга.

— Суда всѣ у Плавчерина, казаки по близости?

— Все на чеку. Я нарочно спрашивалъ, проѣзжая теперь; все, говорить, готово.

— Ну такъ помолимся Павлюга, да и съ Богомъ.

Павлюга и атаманъ стали па колѣна передъ образомъ Николая Чудотворца и набожно крестились.

— Ну, слушай, Павлюга, началъ Осипъ. На мою лодку положить бунчуки, войсковой скарбъ, церковную утварь, со мною сядутъ священники. За мной двинешься ты съ знаменами и канцелярию, потомъ каждый атаманъ съ своимъ куренемъ. Смотри, чтобы все было, какъ слѣдуетъ...

— Все сказано и расчитано, атаманъ.

Осипъ молча надѣль саблю, кунтушъ, взялъ булаву, набожно посмотрѣлъ на ликъ угодника, слегка освѣщаемый мерцающей лампадой, и позвалъ вѣстоваго.

— Иди, хлопецъ, бей въ набатъ, проговорилъ онъ. Вѣстовой торопясь пошелъ исполнять волю атамана. Одновѣчный, заунывный звонъ колокола запорожской Сѣчи началъ разноситься въ ночной тишинѣ чудной майской ночи. Безъ шума, всякий зналъ что ему слѣдуетъ дѣлать, начали собираться запорожцы съ своихъ насиженныхъ мѣстъ. Сняли образа, уложили утварь, въ коcенныхъ сундукахъ вынесли дѣла кошевої канцелярии, изъ скарбницы — кошевую казну, подъ образами поставили бунчуки и знамена, около которыхъ поставили карауль.

Заунывный звонъ колокола прекратился; тяжело нагруженныя арбы, запряженныя буйволами, тихо двинулись по направлению къ Дунаю. Не прошло и часу, какъ также прелестная майская ночь окутывала уже нелюдимый Буджакъ. Мерцающій въ ночной тиши лунный свѣтъ озарялъ теперь одни пустые темные курени да стропила разобранной запорожской церкви... Все словно вымерло. Собаки и тѣ были въ лодкахъ съ рулевыми. Только ночные птицы тихо пролетали мимо.

Еще было темно, когда на берегу Аймана-Дунавецъ шла дѣятельная суета — нагрузка каботажныхъ и неводныхъ лодокъ добромъ запорожцевъ. Болѣе тысячи человѣкъ всѣхъ возрастовъ, начиная съ бѣлыхъ какъ лунь старииковъ и кончая молодыми парнями, на румяныхъ лицахъ которыхъ едва пробивался легкій пушокъ, должны были размѣститься на сорока двухъ большихъ лодкахъ и на пятидесяти небольшихъ неводныхъ. Во всей суетѣ былъ извѣстный порядокъ, запорожцы раздѣлены были на курени, каждый курень имѣлъ своего атамана и свою флотилію. Куреной атаманъ размѣщалъ и распредѣлялъ своихъ по лодкамъ, указывалъ мѣсто слѣдованія. Все шло скоро и безъ всякаго шума. Зардѣлся востокъ и красноватое зарево озарило своимъ таинственнымъ утреннимъ свѣтомъ тихія и пустынныя воды Лимана, и величественную картину: масса лодокъ въ стройномъ порядке неслась безмолвно по направлению къ Черному морю; на закаленныхъ лицахъ гребцовъ, молча исполнявшихъ свою работу, замѣтна все же была не то тоска, не то страхъ будущаго, не то недоумѣніе. То были словно древніе славяне, идущіе на своихъ утлыихъ ладьяхъ къ Царграду...

Впереди всѣхъ, обита краснымъ сукномъ и увѣшанная коврами, съ двѣнадцатью гребцами шла большая лодка кошеваго. На ней развѣвалось два бунчука, сидѣли священники съ церковною утварью, помѣщалась кошевая казна и всѣ грамоты и привилегіи Сѣчи. Лицо атамана было сумрачно; онъ сознавалъ, что участъ всѣхъ за нимъ слѣдовавшихъ тяжко легла на его могучія плечи.

Къ восходу солнца эта своеобразная флотилія вошла въ Черное море. По морю шла сильная утренняя зыбь. Но лихимъ

морякамъ-запорожцамъ не въ первый разъ было справляться съ морскими волнами и бурями. Они смыло обогнули морское прибрежье и съ трепетомъ радости вошли въ предѣлы своей родины, въ Килийскій рукавъ. Здѣсь ихъ встрѣтили наши моряки 3-й дунайской флотиліи. Громкая, веселая, задушевная русская рѣчь огласила берега Дуная, предопредѣляя собою то могучее единеніе русского народа, которое связывается въ одномъ источнике — въ благости и милости великаго единодержавнаго русскаго Царя...

Прошло три дня. Въ предѣстыи Измаила, въ только что образовавшемся заботами Тучкова, безъ всякихъ расходовъ отъ казны, городѣ, получившемъ название своего основателя, имѣетъ обширную площадь, въ одномъ изъ угловъ которой, примыкающей къ берегу Дуная, красовался только что выстроенный новый красивый домъ отца-градоначальника, какъ называли горожане Тучкова. Тутъ стоялъ почетный караулъ и развѣвался всероссийский императорскій флагъ. По временамъ входили и выходили генералъ- и флигель-адъютанты въ походной боевой формѣ. Простота и дѣловитость окружали это историческое жилище. То была ставка Императора Николая Павловича.

Было около восьми часовъ утра. Майское солнце свѣтило радостнымъ веселымъ свѣтомъ яркаго дня. Вся площадь была занята запорожцами, стоявшими молча и лишь изрѣдка благоговѣйно смотрѣвшими на окна. Впереди всѣхъ стояли пять куренныхъ атамановъ, державшихъ два бунчука и три знамени, имѣя во главѣ кошеваго атамана Осина Гладкаго. Атаманъ держалъ въ рукахъ бархатную подушку, на которой лежали — булава, грамоты, регалии и привилегіи коша. Красивое лицо Осина было блѣдно, онъ судорожно переступалъ съ ноги на ногу, и только по временамъ посматривалъ на крыльцо, съ котораго долженъ былъ выйти Государь Императоръ.

Стоявшіе у подъѣзда часовые взяли на караулъ; кругомъ почтительно разступились, засуетились и на крыльцѣ показалась величественная фигура Монарха. Нельзя было не узнать Императора. Взглядъ, полный силы и энергіи, рыцарскую осанку, повелительный голосъ — никогда не могъ забыть, кто хоть разъ имѣлъ случай видѣть и слышать слова незабвеннаго Императора.

Слишкомъ тысяча человѣкъ запорожцевъ какъ одинъ человѣкъ опустились на колѣни при видѣ могучаго Царя русскаго. Атаманы преклонили къ ногамъ Императора бунчуки и знамена. Осипъ, стоя на колѣняхъ, и вручивъ Его державной десницѣ булаву, грамоты и регалии, жалованыя Сѣчѣ турецкими султанами, стоя на колѣняхъ, сказалъ глубокимъ, взволнованнымъ голосомъ: „Великій Государь! Прости и помилуй твоихъ заблудшихъ подданныхъ. Прими отъ насъ все, что наше, дай только намъ Твое царское прощеніе, окажи намъ Твое милосердіе“.

— Встань, атаманъ! Встаньте, запорожцы, проговорилъ Государь звучнымъ и милостивымъ голосомъ. Я знаю, кто вы. Богъ вѣсть простить, отчизна вѣсть прощаетъ и я прощаю!

Не успѣлъ Государь произнести эти историческія слова, какъ вся площадь огласилась несмолкаемымъ радостнымъ крикомъ „ура!“ Шапки полетѣли вверху; Осипъ и старѣйшие атаманы бросились цѣловать руку Государя, изъ толпы выдвигались запорожцы, падали, чтобы приложитьсь къ землѣ, къ тому мѣstu, где стоялъ Государь. Зрѣлище было неописуемое.

Когда Государь ушелъ въ свои покои, среди запорожцевъ остался Сергій Алексѣевичъ Тучковъ. Запорожцы бросились благодарить старика, называли его отцомъ-благодѣтелемъ, цѣловали его руки, платье. Старикъ былъ сильно растроганъ. Сдѣлавъ дѣло на пользу родинѣ, онъ видѣлъ въ то же время искреннюю радость и задушевную благодарность этихъ храбрыхъ воиновъ. Хозяинъ-генералъ тотчасъ же распорядился о назначеніи мѣста для запорожскаго бивуака, о снабженіи ихъ провіантомъ и доставленіи имъ всего необходимаго. Къ полдню на площади около Дуная уже задымились костры запорожцевъ, которые вошли какъ свои въ семью русскаго войска и всѣ до единаго были вѣрою себя отъ милости и величія своего Царя.

Въ это время Государь былъ сильно озабоченъ переправой 3-го корпуса генералъ-отъ-инфантеріи Рудзевича черезъ Дунай. Въ пріемной залѣ на столѣ лежало множество картъ большого масштаба, нѣсколько кроки. Но свѣдѣнія были неполны, не вѣрны, избрать мѣсто для высадки на непріятельскомъ берегу было крайне затруднительно. На совѣщаніи у Государя находились главнокомандующій генералъ-фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ, уже преклонныхъ лѣтъ, ветеранъ отечественной войны, корпусный командиръ генералъ Рудзевичъ, боевой генералъ, не разъ прокладывавшій себѣ дорогу штыками, начальникъ главнаго штаба графъ Дибичъ, начальникъ штаба арміи генералъ-адъютантъ Киселевъ и начальникъ инженеровъ генералъ-майоръ Денъ. Переправа черезъ Дунай была одна изъ самыхъ трудныхъ операций и потребовала серьезныхъ предварительныхъ работъ. Выбрали мѣсто переправы около деревни Сатуново. Приходилось устраивать болѣе чѣмъ на пять верстъ гать по топкимъ и болотистымъ плавнямъ, а черезъ гирла и ручьи, прорѣзывающіе нашъ берегъ, строить и наводить мости. Уже цѣлую недѣлю, какъ падъ этою египетскою работою трудилась 2-я піонерная бригада, до двухъ тысячъ нижнихъ чиновъ 9-й пѣхотной дивизіи и до тысячи человѣкъ мѣстныхъ

жителей. Всё эти затруднения усилиями русскихъ войскъ, воодушевленныхъ присутствиемъ Государя Императора, были устранены. Оставался другой затруднительный вопросъ: къ какому пункту на непріятельскомъ берегу направить переправу? Малоизвѣстность непріятельского расположения, недостаточность топографическихъ свѣдѣній о томъ берегѣ, ставили вопросъ почти неразрешеннымъ. На совѣщаніи у Государя было предложено сдѣлать предварительно обширную рекогносцировку и затѣмъ выбрать пунктъ для переправы. Государь не благосклонно отнесся къ этому предложенію. Планъ этотъ требовалъ много времени, значительной траты людей и наконецъ обнаруживалъ для непріятеля мѣсто, где ему нужно усилить защиту.

— Долго и убыточно, замѣтилъ Государь, обращаясь къ фельдмаршалу.

— Если Вашему Величеству угодно, можно будетъ положиться на свѣдѣнія вѣнскихъ картъ и по нимъ выбрать пунктъ высадки войскъ, отвѣтилъ старикъ Витгенштейнъ; но беру смѣлость замѣтить, что исходъ дѣла въ такомъ случаѣ можетъ подвергнуться всевозможнымъ случайностямъ.

— Вѣрно, вѣрно, графъ, озабоченно отвѣтилъ Государь. А какъ на нашемъ берегу идутъ работы?

— Черезъ пять дней плотина будетъ доведена до Дуная, Ваше Величество, отвѣтилъ графъ Дибичъ.

Государь казался задумчивымъ и озабоченнымъ и вскорѣ удалился въ свой кабинетъ и когда все разѣхались, велѣлъ позвать къ себѣ Гладкаго.

Генералъ Байковъ ввелъ въ кабинетъ Осипа, уже не въ атаманскомъ кафтанѣ, а въ одѣждѣ простаго казака.

— Хорошо знаешь тотъ берегъ Дуная? спросилъ неожиданно Государь,

— Знаю, Ваше Величество, отвѣтилъ смѣло Осипъ.

— Онъ укрѣпленъ турками?

— Укрѣпленія, Ваше Величество, идутъ отъ Исакчи до Тульчина вдоль берега, укрѣпленія сильныя и снабжены хорошей артиллерией.

— Но не вѣдь же одинаково. Не можешь ли ты указать, где удобнѣе высадиться нашимъ войскамъ?

— Осмѣлюсь доложить Вашему Величеству, я знаю одно мѣсто, где турки не ожидаютъ переправы: они считаютъ его неприступнымъ и менѣе укрѣпили его, и менѣе у нихъ тамъ карауловъ.

— Можешь указать это мѣсто на планѣ? спросилъ Государь. Помни сюда.

Осипъ приблизился къ столу, у которого стоялъ Государь. Онъ едва переводилъ духъ отъ волненія, руки у него дрожали. Государь подалъ ему карандашъ.

— Не волнуйся, помни: ты велику услугу окажешь родинѣ, сказалъ ласково Государь.

На картѣ большаго масштаба Осипъ провелъ линію, где, по его мнѣнию, то мѣсто, по которому возможно было бы русскимъ войскамъ сдѣлать высадку и подойти къ твердому берегу.

— Да здѣсь непроходимое болото, тоинъ. Отъ Дуная до сухаго берега верстъ двадцать будетъ.

— Этого мѣста, Ваше Величество, кромѣ насть, запорожцевъ, никто не знаетъ. Въ этомъ мѣстѣ Дунай поросъ камышами, залитъ водою, такъ что образовались словно плавни. Ширина ихъ будетъ дѣйствительно верстъ двадцать и болѣе. Турки считаютъ это мѣсто неприступнымъ, потому на лодкахъ здѣсь идти нельзя, въ бродъ глубоко. Наші казаки хорошо знаютъ это мѣсто; здѣсь все мы охотились за кабанами. Поперекъ плавней проходитъ земляной валъ. Въ иныхъ мѣстахъ валъ идетъ совсѣмъ подъ водой, въ другихъ чуть покрытъ водой, но можно перейти въ бродъ. Въ одномъ мѣстѣ валъ расширяется въ полынку. На ней за деревьями можно скрыть цѣлую дивизію.

Государь внимательно слушалъ Осипа, потомъ прошелся, обдумывая его слова:

— Какой же это валъ, кто и когда его строилъ?

— Между казаками, Ваше Величество, ходятъ толки, будто проведенъ онъ давно, нашими же, когда-никто не вѣдѣтъ. Мѣсто будто проклятое...

— А ты, отчего не въ атаманскомъ кафтанѣ? неожиданно спросилъ Государь, обративъ на его одѣжду вниманіе.

— Кошевымъ атаманомъ, Ваше Величество, меня утвердилъ султанъ; теперь предъ лицомъ Царскаго Величества смѣль ли я позволить себѣ это. Для моего Государя я послѣдній казакъ, какъ и все.

Государю видимо понравился отвѣтъ Осипа. Положивъ руку на плечо Гладкому, онъ сказалъ:

— Ты будешь хороший слуга Мнѣ и родинѣ. Кошъ тебя выбралъ, а Я тебя утверждаю.

Осипъ упалъ къ ногамъ Государя и поцѣловалъ его руку.

— Слушай, атаманъ, продолжалъ ласково Государь, сегодня ночью иди съ Богомъ на тотъ берегъ и разузнай хорошенько, какъ и где высадиться. Возьми вотъ эту карту и набросай, какъ умѣешь, все что узнаешь.

Обласканый Государемъ, Осипъ былъ вѣдь себя отъ радости. Въ ту же ночь на небольшой рыбачьей лодкѣ, тихо пробирались три казака на турецкій берегъ и благодаря сумрачной ночи, благополучно причалили незамѣтно къ одному изъ плавней

и затѣмъ затерялись въ непроходимыхъ камышахъ болотистаго берега.

Тroe сутокъ блуждалъ съ казаками Осипъ по нескончаемымъ плавнямъ и болотамъ Дуная и только на третью ночь труды его увенчались успѣхомъ: найдено было мѣсто, въ которомъ валь дѣйствительно упирался въ самый берегъ Дуная. Онь прошелъ съ казаками по этой естественной плотинѣ до знакомой имъ поляны, а дальше они уже были увѣрены. Сдѣлавъ замѣтки на камышѣ въ найденномъ мѣстѣ, куда должна быть направлена переправа, Осипъ поспѣшилъ воротиться въ лагерь.

Государь никому не говорилъ о порученіи, данномъ запорожцамъ, и терпѣливо ожидалъ возвращенія атамана. Осипъ доложилъ ему о результатахъ изысканій и показалъ на картѣ найденное для высадки мѣсто. Посланъ былъ для проверки полученныхъ свѣдѣній флигель-адъютантъ Вельяминовъ-Зерновъ. Въ ту же ночь Осипъ провелъ Вельяминова на самый турецкій берегъ, такъ что къ свѣту они имѣли уже возможность удостовѣрить передъ лицомъ Государя о полной справедливости свѣдѣній, собранныхъ запорожцами. Государь дважды благодарили Осипа и на прощанье сказалъ ему, что заслугу его не забудеть.

Въ ночь съ 26-го на 27-е мая, на берегу Дуная стояла флотилія запорожцевъ, готовая для перевозки нашихъ войскъ къ переправѣ. Запорожцы, дабы скрыть свое движение по Дунаю, отъ Измаила поднялись въ озеро Ялпухо, а оттуда перетащили свои лодки на себѣ и явились къ назначенному часу на мѣсто, какъ разъ противъ непріятельской батареи.

Ровно въ 4 часа, чутъ забрезжилъ свѣтъ на востокѣ, въ присутствіи Государя Императора, раздался первый выстрѣлъ съ нашей двадцатичетырехорудійной батареи, расположенной какъ разъ на берегу Дуная. За береговою батарею началась канонада съ дунайской флотиліи, построившейся полукружіемъ лѣвѣ батареи. Подъ страшнымъ грохотомъ канонады, два батальона 13-го егерскаго полка размѣстились на запорожскихъ лодкахъ и первые поплыли на непріятельский берегъ. Несмотря на перекрестные выстрѣлы фланговыхъ турецкихъ батарей, на сильное теченіе и порывистый вѣтеръ, далеко относившіе лодки, опытные запорожцы съ полнымъ успѣхомъ перевезли первый десантъ русскихъ войскъ. Въ это время третій отрядъ запорожскихъ лодокъ, перевозившій два батальона Алексопольскаго полка, начало было относить по теченію отъ избранного направления, но подоспѣвшій къ этому на небольшой запорожской лодкѣ графъ Киселевъ, повелъ ихъ въ назначенное мѣсто. Тяжело нагруженныя лодки сѣли на мель. Графъ первый вскочилъ въ воду по поясъ и повелъ за собой егерей и Алексопольцевъ. Около версты глубокимъ болотомъ, держа ружья и сумы надъ головою, шли егера. Имъ пришлось выдержать атаку турецкой конницы, но мужественный отпоръ стрѣлковъ удержалъ напискъ. Выйдя на непріятельский берегъ и построившись на сухой равнинѣ въ боевой порядокъ, егера и Алексопольцы, подъ предводительствомъ генер.-лейтенанта Бартоломея, быстро двинулись впередъ и сбили непріятеля съ прибрежныхъ позицій. Непріятель, устрашась быстроты и смѣлости движения, оставилъ батареи и бросилъ свою артиллерию. Дальнѣйшая переправа войскъ продолжалась уже на купеческихъ судахъ и платформахъ, вѣдь выстрѣловъ непріятеля. Государь, окруженный представителями европейскихъ державъ, все время наблюдалъ за молодецкими подвигами запорожцевъ; отъ его ока не ушло безстрашіе и распорядительность атамана Осипа Гладкаго.

Къ полуночи на береговомъ редутѣ турецкаго берега уже развѣвалось русское знамя. Вся 9-я дивизія, двѣ бригады 7-й дивизіи и часть восьмой, подъ руководствомъ корпуснаго командинга, уже занимали всѣ высоты праваго берега. Государь сошелъ на берегъ, около которого стояла та лодка, на которой развѣвался императорскій флагъ. Рулевымъ на этой лодкѣ былъ самъ кошевой атаманъ Осипъ Гладкій и двѣнадцать куренныхъ атамановъ. сидѣли гребцами. Императоръ милостиво поズоровался съ запорожцами, благодарили ихъ за службу; громкое „ура“ огласило воды Дуная. Честь переправить своего Государя чрезъ Дунай досталась запорожцамъ. Послѣ обозрѣнія праваго берега, Государь возвратился назадъ на той же лодкѣ. Здѣсь его встрѣтила многочисленная свита. Взять отъ дежурнаго генерала полковничы эполеты и орденъ Св. Георгія 4-й степени, Государь собственоручно возложилъ ихъ на кошеваго атамана.

— Благодарю, атаманъ! Храбрость твою и распорядительность я видѣлъ своими глазами, сказалъ Государь. Поздравляю и васъ, молодцы, обратился онъ къ гребцамъ, георгиевскими кавалерами!

Осипъ поцѣловалъ руку Государя, вторично громкое „ура“ разнеслось по воздуху. Свита поздравляла нового полковника и кавалера съ неслыханною Монаршею милостью, но Гладкій отъ восторга и радости едва могъ отвѣтить на сочувственныя поздравленія.

Солнце закатилось. Заревая пушка раздалась сперва въ лагерь на этомъ берегу, потомъ глухимъ перекатомъ съ того берега. Затрещали барабаны, заиграла музыка. Съ обоихъ береговъ Дуная засвѣтились тысячи огней боевыхъ лагерей. Послѣ утренняго грохота канонады, безпрерывной ружейной пальбы, побѣдоносныхъ криковъ стоновъ отчаянія раненыхъ и утопаю-

щихъ въ мутныхъ водахъ Дуная, теперь съ темнымъ покровомъ наступающей ночи водворилась тишина, порядокъ и подъ стройные звуки военной музыки, игравшей вечернюю зорю, успокаиваются русские лагери.

Въ центрѣ запорожского лагеря, расположенного бивуакомъ на самомъ берегу Дуная, стояла высокая палатка кошеваго атамана. Утомленные переправою запорожцы спали. Казалось, это былъ заколдованный станъ усыпленныхъ витязей. Среди могильной тишины едва слышны были шаги молча расхаживавшаго у палатки часоваго съ обнаженною саблею.

Отъ душевнаго волненія Гладкій долго не могъ заснуть, несмотря на усталость. Онъ не вѣрилъ дѣйствительности, до того поражала она своею неожиданностью. Что-то фантастическое казалось ему въ его судьбѣ. Простой казакъ, теперь—полковникъ русской службы, приближенный Государя. „Велики дѣла твои, Господи!“ думалъ онъ набожно.

По волѣ Государя онъ былъ оставленъ при Главной Квартирѣ. Генераль-квартирмѣстеръ Сухтеленъ часто пользовался его свѣдѣніями о Бабадагской области, о путяхъ къ Адріанополю, просилъ иногда объясненій по свѣдѣніямъ, какія доставлены

были имъ Тучкову черезъ Ольгу. Съ паденiemъ Исааки, противъ этой крѣпости наведенъ былъ pontонный мостъ, по которому въ скоромъ времени перешла вся дѣйствующая армія. Запорожцы вернулись на свои прежнія мѣста и бывшій безлюдный Буджакъ снова оживился военно-боевой жизнью. Изъ запорожцевъ былъ сформированъ пѣшій дунайскій казачій полкъ, командиромъ полка былъ назначенъ Гладкій, сотенными—бывшіе куренные атаманы. Полкъ оставленъ былъ для наблюденія за исправностью переправы черезъ мостъ.

Война запылала. Съ паденiemъ Браилова, пали Мачинъ, Гирсово, Кюменджи и Тульча. Главная армія безостановочно двигалась впередъ. Быстро занятъ былъ Базарджикъ, затѣмъ войска двинулись къ Шумлѣ, въ тоже время прибывшимъ отъ Анапы флотомъ съ десантными войсками предположено начать осаду Варны.

Все это время Государь не покидалъ свои войска и своимъ присутствиемъ воодушевлялъ всѣхъ. Полковникъ Гладкій состоялъ при особѣ Его Величества и Государь видимо расположился къ бывшему кошевому атаману запорожцевъ.

(До слѣд. №).

Лица человѣка.

(Очеркъ).

Кажется удивительнымъ, что животныя, которыхъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ такъ схожи съ человѣкомъ, очень трудно смыкаются съ чужою мѣстностью и только благодаря соответственному питанію могутъ акклиматизироваться и размножаться. Человѣкъ, напротивъ, можетъ жить по всей землѣ. Всюду онъ находитъ возможность успокоить свою жажду и голодъ и найти нужное для себя питаніе. Его разсудокъ помогаетъ ему находить съѣдомое, а ловкость—захватывать полезными для него вещами. Вскорѣ онъ привыкаетъ къ кушаньямъ, казавшимся ему сперва противными, и нерѣдко онъ становится его любимой пищей. Человѣкъ покоряетъ все вокругъ себя, однако можно сказать съ достовѣрностью, что пища завладѣваетъ имъ, такъ какъ она имѣеть большое влияніе на его развитіе, характеръ и даже на образъ дѣйствій. Наружность цѣлыхъ народовъ носитъ несомнѣнныя признаки ихъ постоянной пищи. Напримѣръ между островитянами Южнаго океана, питающимися преимущественно растительной пищей и сѣвероамериканскими индейцами, питающимися мясомъ, разница очень замѣтна. Первые имѣютъ глупый видъ, характеръ ихъ мягокъ, они трусливы, но часто коварны. Напротивъ того, сѣвероамериканскій индѣецъ имѣетъ интеллигентное лицо и характеръ его гораздо энергичнѣе. Борьба со стихіями съвера и сопряженное съ опасностью добываніе животной пищи, развиваетъ физическая и духовные силы человѣка. Характеръ народа, занимающагося охотой, можетъ быть дикъ, но онъ никогда не бываетъ лѣнивымъ, равнодушнымъ и вялымъ.

Не смотря на то, что одно изъ старѣйшихъ буддистскихъ преданій говоритъ, что люди первоначально питались растительной пищей, не смотря на то, что это доказываетъ строеніе нашихъ зубовъ, и что самая родственная намъ въ мірѣ животномъ—обезьяна, большую частью питается растеніями, все же, выводя заключеніе по народамъ, стоящимъ еще и теперь на низкой культурной степени, слѣдуетъ предположить, что первоначальная пища нашихъ предковъ была пища животная. Послѣднюю легче найти, чѣмъ пищу растительную, для которой требуется уже известная культура мѣстности, и наконецъ нужно полагать, что людямъ нужно было известное время, чтобы научиться отличать растенія полезныя отъ вредныхъ.

Ботокуды и бушмѣны (лѣсные люди) пожираютъ всѣхъ маленькихъ животныхъ, которыхъ только имъ попадаются. Черви, саранча, ракушки и насѣкомыя составляютъ для нихъ лакомство. Южноамериканскіе индейцы, живущіе въ первобытныхъ лѣсахъ, ёдятъ дикихъ свиней, обезьянъ и особенно любятъ большихъ червей, сидящихъ въ деревѣ. Они чрезвычайно разнообразятъ свою пищу и не брезгаютъ даже насѣкомыми; всѣ южноамериканскіе племена ёлаютъ тоже самое. Даже муравьи попадаютъ къ нимъ въ пищу: большие поджариваются, а маленькие ёдятся живыми. Саранча, пролетающая въ большомъ количествѣ черезъ нѣкоторыя мѣста Африки и Азіи, служитъ для жителей этихъ странъ любимымъ кушаньемъ. Мадагассы, напримѣръ, изобрѣли даже способъ ловить саранчу большимъ платкомъ, который держать двое людей. Прежде всего нужно помнить, что человѣкъ привыкаетъ къ тѣмъ продуктамъ, которые въ большомъ количествѣ водятся въ его странѣ. Если въ теплыхъ странахъ болѣе растеній, онъ становится вегетарианцемъ, если же съверъ обладаетъ болѣе богатой фауной, онъ привыкаетъ есть мясо. И такъ мы видимъ, что климатъ играетъ очень важную роль въ нашемъ питаніи; при известномъ градусѣ теплоты или холода нужна разная пища. Если бы, напримѣръ, въ умѣренномъ климатѣ потреблять столько рыбьяго жира, какъ это ёлаютъ эскимосы полярныхъ странъ, то это причинило бы неминуемую смерть. Для нихъ это потребность; большое количество жира согреваетъ ихъ и безъ него они не могли бы жить.

Пища наша имѣеть также большое влияніе на нашу рѣчь и органы ея. Жители теплыхъ странъ, питающіеся пищей расти-

тельной, имѣютъ болѣе звучные и мелодические голоса, чѣмъ народы полярныхъ странъ, пьющіе рыбий жиръ. Даже народы, стоящіе на низкой ступени развитія, какъ напримѣръ жители острововъ Товарищества, которые питаются преимущественно растеніями, отличаются отъ племенъ, питающихъся мясомъ, болѣе звучнымъ голосомъ и гармоничнымъ языкомъ. У народовъ пьющихъ жиръ и ёдящихъ мясо, языкъ гораздо тяжелѣе и черезъ это рѣчь менѣе способна къ переливамъ голоса, къ модуляціямъ; поэтому не слѣдуетъ приписывать случаю, а естественнымъ причинамъ то, что лучшіе пѣвцы, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ на югѣ Италии. Наши пернатые пѣвцы тоже питаются растеніями; хищныя птицы не поютъ, они каркаютъ и кричатъ. Народъ, который беретъ себѣ пищу изъ царства животнаго, принужденъ вести бродячую жизнь и потому не можетъ достигнуть той степени развитія, какой достигаютъ народы осѣдлые, къ которымъ переходить опытность ихъ предковъ посредствомъ устныхъ передачъ, черезъ художественныя произведенія, постройки и наконецъ письмена.

Нужно предположить, что питаніе человѣка подраздѣляется на три периода: первый—пища мясная, второй—растительная, и третій—болѣе утонченная, именно та, когда человѣкъ прибѣгаєтъ къ наркотическимъ веществамъ, соотвѣтствующимъ потребности его оживить и возбудить свои ослабѣвшіе нервы, а иногда и усыпить ихъ. Такимъ образомъ уже въ древнемъ Египтѣ дѣлали пиво изъ ячменя.

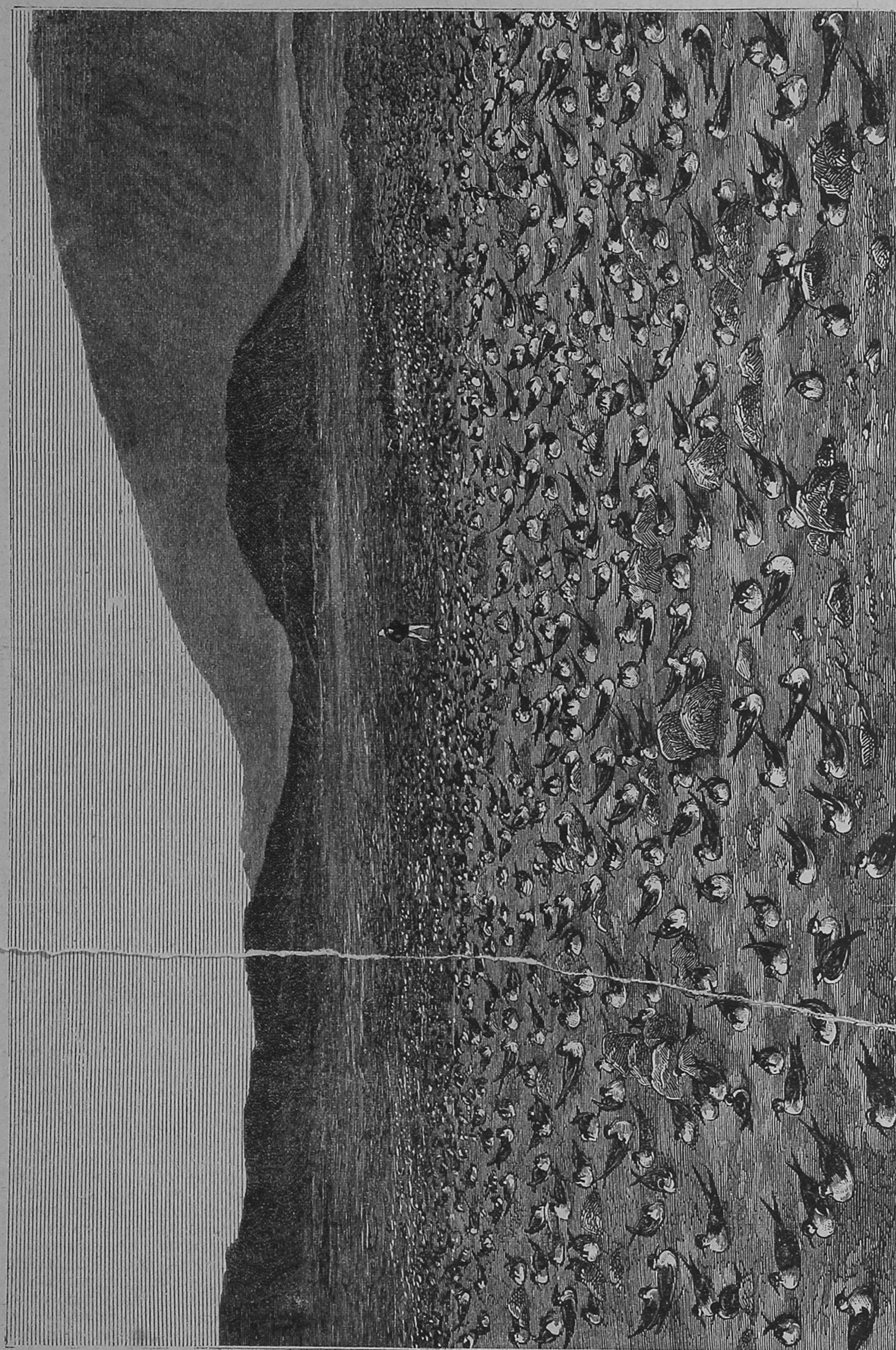
Индѣйцы умѣли приготовлять изъ риса виноподобный напитокъ, а также такъ называемыя фруктовыя и пальмовая вина. Китайцы умѣли получать изъ чайныхъ кустовъ возбуждающей напитокъ, а эфиопы, абисиняне и арабы, съ незапамятныхъ временъ употребляли уже кофе. Кофе сдѣлался такимъ распространеннымъ напиткомъ, что въ Европѣ его расходуютъ ежегодно около 250 миллионовъ фунтовъ.

Въ Остѣ-Индіи изъ обрѣзковъ сахарнаго тростника приготовляютъ ромъ, который есть ничто иное, какъ видоизмѣненіе приготовляемой во всѣхъ странахъ водки. Очень любопытно прослѣдить, какъ человѣкъ, по мѣрѣ поступательного развитія культуры его страны, постоянно изобрѣталъ новые для себя потребности, не довольствовался первоначальной своей пищей и придумывалъ новую.

Какъ сильно отличалась пища осѣдлыхъ народовъ, приготовленная съ большимъ стараниемъ, отъ пищи народовъ кочующихъ, неимѣющихъ ни времени, ни возможности искусственно приготовлять себѣ ёду. Послѣдніе приекали свою говядину на огнѣ, ёли хлѣбъ и пили свѣжую ключевую воду. Патагонцы ёли мясо сырьимъ. Кафръ жарить убитую имъ дичь между горячими камнями. Житель тропиковъ приготовляетъ себѣ обѣдъ изъ растенія кассавы, которое онъ срубаетъ въ лѣсу и мучными части его употребляетъ въ пищу. Татары, калмыки и черкесы, такъ долго держать говядину подъ сѣдломъ, пока она не сдѣлается совершенно мягкой.

Древніе египтяне, напротивъ, умѣли приготовлять очень вкусные блюда, даже по нашимъ понятіямъ. Они выжимали душистое масло изъ оливокъ и пекли хлѣбъ изъ цвѣтовъ лотоса. Конечно, хлѣбъ этотъ не былъ похожъ на нашъ теперешній, онъ былъ нѣчто въ родѣ маисовыхъ лепешекъ сѣвероамериканскихъ колонистовъ, или вѣрнѣе, теперешнимъ хлѣбомъ персовъ.

Индѣйцы Чили и Перу умѣли добывать изъ фруктовъ превосходные сиропы. Мексиканцы изобрѣли способъ дѣлать шоколадъ изъ туземнаго дерева Какао. Многія бразильскія племена умѣютъ такъ приготовлять мясо при помоціи копченія, что оно долго сохраняется свѣжимъ и вкуснымъ. Даже жители Отаити умѣютъ приготовлять сиропъ изъ фруктовъ и дѣлать какой-то пуддингъ изъ кокосовыхъ орѣховъ. Повидимому, бо-

Чайки на морскомъ берегу. Рис. ст. патура Леви, грав. Марлей.

лье утонченный, цивилизованный образ жизни ослабляет пищеварение, такъ какъ постепенно, вѣроятно вслѣдствіе развивающейся потребности, человѣкъ началъ варить мясо въ водѣ и затѣмъ прибавлять къ нему соль, съ цѣлью сдѣлать его мягче, т. е. удобоваримѣе. Это было началомъ поваренного искусства, которое достигло полнаго развитія и процвѣтанія у Римлянъ и Грековъ, и понынѣ еще подъ именемъ лукулловскаго угощенія подразумѣвается цѣлый рядъ изысканныхъ, рѣдкихъ блюдъ.

Греки, которые, по сравненію съ кулинарной роскошью римлянъ, могутъ быть названы умѣренными, обращали тѣмъ не менѣе большое вліяніе на свою пищу. Аѳины славились своими печеньями, а изъ Сициліи вывозились лучшіе повара. Кромѣ различныхъ сортовъ рыбъ, еще приготавливались кушанья изъ домашнихъ животныхъ, птицъ и дичи. Въ пищу шла также разная зелень и особенно оливки, лукъ и изгнанный изъ нашихъ кухонь чеснокъ. Гусиная печень считалась уже въ то время лакомствомъ. Греки привозили издалека разные продукты, такъ какъ свои ихъ больше не удовлетворяли. Свинину и сыръ привозились изъ Сиракузъ, виноградъ изъ Родоса, миндаль изъ Пафлагоніи, изъ Кипра горчица, медъ изъ Гимета, бараны изъ Мелоса, рѣпа изъ Оивъ. Греки особенно высоко цѣнили гусиныхъ яицъ. Изъ провинціи Гелулю (Ликей) вывозилась спаржа. Послѣбѣденія кушанья, имѣвшія цѣлью возбудить жажду, которая утолялась виномъ Хиоса и Лесбоса, разбавленнымъ водою, состояли изъ сицилійского сыра, фигъ, оливокъ, финиковъ, миндалю, сухихъ и свѣжихъ фруктовъ и многихъ сортовъ аѳинскихъ печений. Замѣчательно, что греки переваривали воду для питья и пили ее охлажденную. Соль они считали дорогой приправой къ кушаньямъ и о морской соли упоминаетъ Пиѳагоръ. По его словамъ, она произошла отъ благороднѣйшихъ родителей: моря и солнца.

Семи мудрецамъ греки противостояли семь поваровъ, которые также занимались разрѣшеніемъ задачъ, конечно кулинарныхъ. Эгисъ Родосский лучше всего приготавлялъ рыбу, Нерей Хиосский изобрѣлъ къ морскому угрю соусъ, который былъ найденъ достойнымъ боговъ. Лампраисъ изобрѣлъ черный, а Харіадесъ Аѳинскій—белый супъ, Афтонетусъ приготавлялъ кровяные колбасы, Аріостонъ—рагу, а Евфимусъ умѣлъ мастерски приготавливать стручковые плоды. Только спартанцы составляютъ въ этомъ отношеніи замѣчательное исключение; ихъ обѣдъ состоялъ изъ мяса козы и хлѣба. Послѣ обѣда ониѣли только сыръ, фиги и бобы. Въ Аркадіи господа и слуги обѣдали за однимъ столомъ и одна кружка ходила кругомъ стола.

Римляне, которые при началѣ ихъ процвѣтанія были очень

расчетливы и умѣренны, за 50 лѣтъ до Р. Х. сдѣлались однимъ изъ самыхъ неумѣренныхъ и любящихъ роскошь народовъ; и это естественнымъ образомъ распространялось также и на ихъ трапезы. Обѣдъ, данный Лукулломъ въ залѣ Аполлона, стоилъ 25,000 франковъ. Должность повара, считавшаяся прежде учительной и на которую выбирались самые плохіе рабы, теперь оплачивалась громадными деньгами, и кто изобрѣталъ кушанье, тотъ получалъ на него привилегію на цѣлый годъ. „Нѣть болѣе серьезныхъ наукъ“, жалуется Сенека, „молодежь толпитсѧ въ пекарняхъ и кухняхъ, а учителя зѣваютъ передъ пустыми скамьями“. Откармливались улитки, устраивались басейны, гдѣ содержались устрицы и разныя рыбы, и разбивались парки для птицъ и животныхъ. Дорогія, возбуждающія аппетитъ блюда подавались въ началѣ обѣда, это были: павлины изъ Самоса, фазаны изъ Фригіи, устрицы изъ Тарента; громадный дикий кабанъ, начиненный колбасами, греческіе ѿрѣхи, финики изъ Египта, пятки верблюжьи—считались лакомствомъ; пряностей также употребляли много. Вино или подогревалось, или же ставилось въ вазы со льдомъ.

Китайцы также подходятъ къ античнымъ народамъ; для своихъ обѣдовъ они употребляютъ всевозможнѣйшія искусно приготовленныя блюда. На обѣденной картиѣ этого народа, въ видѣ особенныхъ лакомствъ, встрѣчаются плавательный перья акулы, морская трава, желудки рыбъ, яица съ изюмомъ и пр.

Каждый народъ и до сихъ поръ имѣетъ свои любимыя блюда и напитки и одна старая англійская пословица говоритъ, что семь человѣкъ любятъ семь различныхъ вещей. Каждая страна изобрѣла свой собственный способъ приготовленія и такъ образовались національныя блюда. Англія изобрѣла приготовленіе бифтекса и пудинга, Испанія—олеа-потрида, Италия—риса и макаронъ, Франція—соусы, рагу и маіонезы, Гота—колбасы, Россія—щи, Баварія—торты, Венгрія—кушанья, приготовленныя съ паприкой, называемыя гулашъ, Австрія—такъ называемыя подковки, которые пекутся теперь всюду и которыхъ въ 1685 году, во время осады Вѣны турками, въ наимѣнѣніи имѣ пеклись въ видѣ полумѣсяца.

Несмотря на то, что въ XIX столѣтіи не особенно много злоупотребляютъ искусственнымъ приготовленіемъ пищи, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что и у насъ есть много излишнихъ потребностей, мало способствующихъ питанію нашего тѣла, а иногда даже вредныхъ. Вообще же мыѣдимъ слишкомъ много, что доказываетъ намъ рабочій классъ людей, который при большемъ напряженіи довольствуется гораздо меньшимъ количествомъ пищи и все же бываетъ здоровъ.

Къ рисункамъ.

Старая Ладога и Рюрикова крѣпость.

(Рис. на стр. 925).

Развалины староладожской крѣпости—здѣсь изображенныя—болѣе извѣстныя подъ именемъ Рюрикова замка, представляютъ одинъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ нашей глубокой старины. Онъ лежатъ на лѣвомъ берегу рѣки Волхова, при устьѣ рѣчки Ладожки, въ 12 верстахъ отъ Новой Ладоги. По преданію, это первоначальное укрѣпленіе служило мѣстомъ пребыванія еще первому русскому князю Рюрику въ 862 году, до того времени, когда онъ перенесъ свою столицу въ Новгородъ. Сначала славяне называли эту крѣпость старымъ городомъ, а русы Аньдегордомъ, что означало хозяйственную усадьбу, которую ~~построилъ~~ Рюрикъ. Название же Старая Ладога и была въ отношеніи къ ~~построилъ~~ Рюрику. Название же Старая Ладога образовалось ~~въ~~ послѣдствіи.

Спустя 25 ~~год~~ года послѣ основанія Старой Ладоги князь Мстиславъ приказалъ перенести укрѣпленіе на новое мѣсто, ближе къ рѣкѣ, и тогда же поселеніе было обнесено каменными стѣнами, изъ плиты и булыжника, съ башнями, и устроена каменная церковь. Въ 1164 году, какъ окрестности Ладоги, такъ и самыій городъ были жестоко опустошены шведами, пришедшиими сюда на 60 судахъ. Впрочемъ это нападеніе было отражено съ большою потерей для непріятеля Святославомъ Ростиславичемъ новгородскими дружинами. Въ XIII столѣтіи ладожане доставляли обыкновенно для княжескаго стола медъ и рыбу, которыми особенно изобиловали, но цвѣтущее поселеніе подверглось скоро новому погрому; въ 1214 году шведы сожгли Ладогу, а въ 1337, помогая кореламъ, побили многихъ ладожскихъ купцовъ и выжгли предмѣстія города. Съ этого времени Старая Ладога не могла уже оправиться, несмотря даже на свое выгодное положеніе для торговли. Послѣдній ударъ Старой Ладогѣ нанесъ Петъръ Великій основаніемъ въ 1704 году Новой Ладоги; Старая Ладога пришла въ упадокъ и большая часть ея жителей переселились въ новый городъ. Теперь Старая Ладога или иначе Успенское селеніе принадлежитъ мѣщанамъ первого стана новоладожскаго уѣзда, и въ ней насчитывается не болѣе какъ съ полсотни дворовъ, тогда какъ по статинной описи, ихъ насчитывалось въ до-петровское время около двухсотъ.

Развалины Рюрикова замка стоятъ надъ самымъ Волховомъ.

Твердыя стѣны и башни сложены изъ булыжника, покрытаго плитникомъ, но послѣдній почти совершенно обвалился. Кромѣ того, лѣдины и валы значительно размыли берега Волхова и теперь бревна, служившія для связи надъ стѣнами Рюрикова замка, находятся уже подъ водою. Первоначально башни было четыре; всѣ ониѣ снаружи имѣютъ четыре угла, а внутри круглія. Ровъ, окружающій замокъ, нынѣ засыпанъ пескомъ, нанесеннымъ волнами Волхова и заваленъ каменьями, падающими сюда съ разрушающихся мало по малу стѣнъ. Неподалеку отъ Рюрикова замка возвышаются два древнихъ кургана—нѣмые свидѣтели ожесточенныхъ битвъ старинныхъ ладожанъ съ настоящими ихъ врагами—шведами.

Красавица современного Египта.

(Рис. на стр. 929).

По словамъ извѣстнаго ориенталиста Винценти, у фелахскихъ дѣвушекъ современного Египта кожа лица имѣеть цвѣтъ свѣтлой бронзы, лобъ узкій, но выразительный, посы широкій, немного приплюснутый, какъ у сфинксовъ, темные, большие глубокіе глаза, свѣщающіеся какимъ-то особымъ блескомъ, дополняютъ эту оригинальную физіономію и придаютъ ей чрезвычайно симпатичное выраженіе. Къ сожалѣнію, нужно прибавить къ этой характеристицѣ, что почти всѣ фелахскія женщины черезчуръ худощавы и на ихъ кругломъ лицѣ рѣзко выдаются большія уши и широкій ротъ. Но когда ониѣ открываютъ свои толстые губы, то вѣсъ поражаетъ бѣлизна и красота ихъ зубовъ, блестящихъ какъ перлы, а улыбка ихъ не лишена своеобразной прелести. Рисунокъ нашъ очевидно представляетъ горожанку современного Египта, которой типично, привлекательное лицо носить слѣды пѣни и ухода; оно нѣжно и рѣзко отличается отъ рукъ, которыхъ гораздо чернѣе; очевидно палящее египетское солнце не жгло его на раскаленныхъ берегахъ Нила, среди степей и оазисовъ и высокія стѣны каирскаго гарема или широкій пологъ бедуинской палатки служили защитой отъ него этой оригинальной красавицы.

Фотографія, съ которой дѣланъ нашъ рисунокъ, передана намъ профессоромъ Якоби, изъ его коллекціи, сдѣланной имъ во время его путешествій по Африкѣ.

Старая башня и Чесменская колонна въ Царскомъ Селѣ.

(Рис. на 932).

Каждая изъ замысловатыхъ, а иногда роскошныхъ построекъ Царскосельского сада невольно напоминаетъ намъ славное царствованіе Екатерины, которая когда-то обитала здѣсь и украшала какъ могла любимую свою лѣтнюю резиденцію. Время Екатерины было самое блестящее время для Царского Села, и прогуливаясь здѣсь, невольно приходѣтъ на умъ слова поэта:

„И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды,
Еще исполнены Великою женою
Ея любимые сады“.

Дѣйствительно, каждое изъ такихъ сооруженій имѣло когда-то свою идею, свое значеніе; каждое воздвигнуто по какомунибудь случаю или въ честь какого-нибудь крупного политического события. Такъ возникли и эти двѣ постройки: Старая башня и Чесменская колонна, которые изображены на нашемъ рисункѣ.

Мысль соорудить башню въ видѣ полуразрушенной, круглой руины пришла Екатеринѣ передъ началомъ первой турецкой войны и она тотчасъ же начала приводить эту мысль въ исполненіе, указавъ мѣсто для постройки на одной изъ возвышеностей, сложенной изъ земли, вынутой при углубленіи большаго канала. Сооруженіе вышло дѣйствительно эффектное; оно имѣетъ 12½ саж. высоты и представляетъ полуразрушенную, съ разщелинами башню, на которую ведетъ каменная винтообразная лѣстница. На срединѣ каменного свода до сихъ поръ видна слѣдующая надпись: „На память войны объявленной турками Россіи сей камень поставленъ въ 1768 году“. Не хотѣла ли Екатерина этой полуразрушенной, близкой къ паденію башней выразить эмблематически тогдашнее жалкое положеніе турецкой имперіи и ея дерзость въ сопротивленіи русскому колоссу?.. Предчувствіе однако не обмануло Екатерину. Война съ турками окончилась полнѣйшимъ ихъ пораженіемъ и ей привелось снова строить колонны и обелиски въ честь геройскихъ подвиговъ русского воинства. Тогда же возникла и Чесменская колонна, поставлена въ память нашей морской побѣды при Чесмѣ. Колонна эта круглая, мраморная, съ тремя корабельными носами и кормами, на основаніи изъ сѣраго полированнаго гранита, имѣетъ вышины 6½ саженъ и воздвигнута посреди самого большаго пруда. Между основаніемъ колонны и тѣмъ мѣстомъ на берегу пруда, гдѣ возвышается старая башня, проведена подземная, крытая галерея, тоже изображенна на нашемъ рисункѣ, внизу, справа.

Весь матеріаль для колонны добывался въ Олонецкихъ мрамороломняхъ; затѣмъ онъ получалъ окончательную отдѣлку на строительномъ дворѣ Исаакіевскаго собора и наконецъ въ 723 отдѣльныхъ кускахъ былъ доставленъ въ Царское Село, гдѣ и собирался подъ надзоромъ искуснаго каменнаго мастера, итальянца Пинкетти. Фундаментъ колонны начали дѣлать съ весны 1774 года, а въ 1778 колонна была уже совершенно окончена. На самой ея вершинѣ возвѣдаетъ большой бронзовый орелъ съ распостертыми крыльями, а къ ея подножію придѣлана квадратная бронзовая доска съ слѣдующими тремя подписями. „Въ память морскихъ побѣдъ, одержанныхъ въ Архипелагѣ. Первая—между Асаю и островомъ Xio 24-го іюня 1770 года—предводительствомъ графа Алексея Орлова и адмирала Григорія Спиридова—десять россійскихъ военныхъ кораблей и седьмь фрегатовъ разбили и обратили въ бѣгство турского капитана-пашу Жефира-Бея съ шестьнадцатью линейными кораблями. Фрегатовъ, галеръ, бригантины и мелкихъ судовъ было болѣе ста. Вторая—того же іюня 26-го числа сожгено весь сей флотъ въ Чесменскомъ портѣ контр-адмираломъ Грейгомъ, отряженною эскадрою побѣдительнаго флота. Третя—ноября отъ 2 до 4 1770 года, въ присутствіи россійскихъ въ Средиземномъ морѣ войскъ вождя генерала графа Орлова, по высаженіи войскъ на островъ Митилену, по обращенію въ бѣгство непріятеля, по овладѣніи предмѣстіемъ, адмиралтействомъ и окрестными мѣстами, сожгено весь остатокъ морскихъ силъ турецкихъ, два линейныхъ корабля семидесять пушечныхъ—и хранилища разныхъ припасовъ и снастей морскихъ“. На остальныхъ трехъ сторонахъ подножія колонны, всѣ эти три побѣды изображены бронзовыми барельефами.

Развалины дворца Потемкина на берегу Невы.

(Рис. на 933).

Берега Невы за Невскимъ монастыремъ, теперь приобрѣтаютъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе шумливый, мануфактурный характеръ: множество фабрикъ и заводовъ дымятся здѣсь теперь и наполняютъ воздухъ Ѣдкой, удущливой гарью; а по праздникамъ по всему берегу галдятъ шумныя и часто пьяные толпы заводскихъ рабочихъ, давая дорогу лишь бѣшено несущейся конѣ. Совсѣмъ не то было здѣсь въ концѣ XVIII столѣтія. На берегахъ Невы царствовала тогда тишина и какое-то торжественное спокойствіе; на каждомъ шагу здѣсь красовались роскошныя дачи вельможъ; по шоссе катились вы-

сокія колымаги съ знатью; давались праздники и слышалась модная тогда роговая музыка. Часто по этой же дорогѣ, въ сопровожденіи богатой свиты, проѣзжала сама Императрица; она Ѣхала въ свой загородный дворецъ Пеллу, который теперь, пустой и запущенный, возвышается въ полуверстѣ отъ села Ивановскаго, на правой сторонѣ Невы, при устьѣ рѣки Святки. Здѣсь, въ царствованіе великой государыни, собирался лѣтомъ весь придворный штатъ и празднствамъ не было конца. Не удивительно, что и другіе вельможи предпочитали жить не подалеку отъ лѣтней резиденціи императрицы и что на берегу Невы тянулся цѣлый рядъ дачъ, принадлежавшихъ самимъ извѣстнымъ сановникамъ екатерининскаго царствованія. Такъ здѣсь были дачи Безбородко, Куракина, Апраксина, Шереметева, Кокошкина и наконецъ здѣсь же, только въ пяти verstахъ отъ Пеллы, стоялъ загородный дворецъ или лучше сказать замокъ великодѣйнаго князя Тавриды—Потемкина. Здѣсь этотъ баловень счастія часто принималъ императрицу и давалъ въ честь ея прїѣзда роскошные балы и праздники. Въ отсутствіе же своей царицы, то скучалъ и хандриль, то вдругъ мчался въ Петербургъ, чтобы явиться при дворѣ прежнимъ блестящимъ, ослѣпительнымъ царедворцемъ. По словамъ его современника, графа Самойлова, Потемкинъ въ высшей степени любилъ художество: „въ архитектурѣ предпочиталъ огромное, величественное; сіе видимъ, говоритъ Самойловъ, въ оставшихся послѣ него зданіяхъ; онъ не любилъ возмѣщать многіе этажи одинъ на другой, по желалъ, чтобы зданіе его имѣло высоту и обширность одного этажа, и смотря на оныя видится, что пышное его воображеніе и огромные замыслы невѣдѣмы были въ тѣсныхъ стѣнахъ“. Эти слова Самойлова оправдываются и при взглядѣ на эти грандиозныя до сихъ поръ развалины замка кн. Потемкина, который сохранились на берегу Невы въ имѣніи „Островкахъ“, принадлежащемъ нынѣ г. Чуглокову, и изображены на прилагаемыхъ рисункахъ. Этотъ замокъ построенъ былъ въ 1790 году знаменитымъ архитекторомъ Растрелли, на высокой площадкѣ, окруженной глубокимъ рвомъ, черезъ который перекинутъ былъ подъемный мостъ. Зданіе вѣнчается двумя башнями: одною въ 115 ступеней высоты и другою, въ которой находились спальня и кабинетъ Потемкина. Кроме того въ замкѣ помѣщались двѣ большія залы, театръ, малая гостиная и парадный вестибюль. Какъ имѣніе, такъ и замокъ, по смерти племянницы Потемкина, бывшей замужемъ за графомъ Самойловымъ, перешло во владѣніе рода Чуглоковыхъ и мало по малу роскошное созданіе Растрелли начало разрушаться и приходить въ ветхость. Ремонтировка же такого громаднаго замка, конечно, требовала слишкомъ крупной денежной затраты (болѣе ста тысячъ) и потому пынѣшніе владѣльцы лишь поддерживаютъ замокъ въ прежнемъ видѣ, какъ интересную развалину, ремонтируя лишь одну большую башню, съ которой открывается прелестный видъ на 25 верстъ въ окружности. Среди простолюдиновъ замокъ пользуется недоброю славой; они распространяютъ обѣ немъ разные суевѣрные рассказы и боятся подходить къ нему по ночамъ, увѣряя, что въ немъ мелькаютъ призраки, всыхиваются огоньки и слышатся стоны и крики.

Чайки на островѣ Вознесенія.

(Рис. на стр. 937).

Островъ Вознесенія лежитъ въ очень небольшомъ разстояніи отъ знаменитой темницы Наполеона—острова св. Елены. Это материкъ почти круглой формы, имѣющій пространство въ 7000 гектаровъ, очевидно вулканическаго происхожденія; онъ вообще гористъ, а въ срединѣ возвышается громадный пикъ, отъ которого идетъ террасами цѣлый рядъ возвышеностей. Птицы на островѣ Вознесенія безчисленное множество и особенно морскихъ породъ: фрегатъ, бакланъ, фаэтоповъ, петрелъ, чёрныхъ альбатросовъ и такъ наз. морскихъ ласточекъ. Особенно много послѣднихъ, такъ какъ онѣ прилетаютъ сюда огромными стаями и усѣиваютъ всѣ берега и равнину, даютъ даже себя собирать руками и нисколько не стѣсняются присутствіемъ людей. Во время же кладки ими лицъ, для жителей наступаетъ очень выгодная пора, такъ какъ такихъ лицъ собирается здѣсь до 10,000 десятковъ въ одну недѣлю. Яйца эти, грязно бѣлого цвѣта съ темнокрасными пятнами, считаются здѣсь за очень пріятное и деликатное кушанье. Рисунокъ нашъ изображаетъ оригиналъ видъ этого множества птицъ на морскомъ берегу.

Проектъ памятника О. М. Достоевскому.

(Рис. на стр. 940).

Въ концѣ прошлаго года появилось объявление, приглашающее отечественныхъ художниковъ заняться составленіемъ конкурснаго проекта для надгробнаго памятника О. М. Достоевскому. Къ назначеному объявлѣнію сроку поступило до 30 проектовъ. Всѣ они одновременно были выставлены въ залахъ Общества поощренія художествъ, а 10-го марта въ томъ же помѣщеніи Общества происходила оценка этихъ проектовъ. Комиссія, послѣ неоднократныхъ собраній, происходившихъ въ зданіи Академіи Художествъ, постановила: проектъ г. Васильева принять къ исполненію.

Въ настоящее время работы по этому проекту уже производятся и будут окончены къ 30 октября (дню рождения Достоевского), къ какому времени предполагается выпустить въ светъ первый томъ нового издания соч. Ф. М. Достоевского съ его биографией. Памятникъ заказанъ известному нашему скульптору — монументщику А. А. Баринову, заявившему уже себя такими работами, какъ московский монументъ А. С. Пушкину и памятникъ финляндцамъ, погибшимъ при взрывѣ 5-го февраля. Самый монолитъ памятника Достоевского исполняется изъ сѣраго сердобольского гранита и будетъ отполированъ. Бюстъ въ настоящее время уже вылѣченъ профессоромъ Н. А. Лаверец-

кимъ и отольется имъ же изъ бронзы. Вокругъ памятника установится желѣзная решетка и будетъ разведенъ цвѣтникъ. Программа требовала, чтобы памятникъ былъ вполнѣ христіанско-православнымъ, и онъ увѣнчанъ древне-рускимъ осьминогичнымъ крестомъ. На откосахъ основания памятника имѣютъ быть высѣчены изрѣченія изъ Св. Писанія, которые служили эпиграфами къ различнымъ произведениямъ покойного. Надъ головой бюста проектированъ терновый вѣнокъ, придерживающій крестъ; подъ бюстомъ — книги. Стоимость памятника полагается въ 3000 р., которая сумма составилась изъ частныхъ пожертвованій.

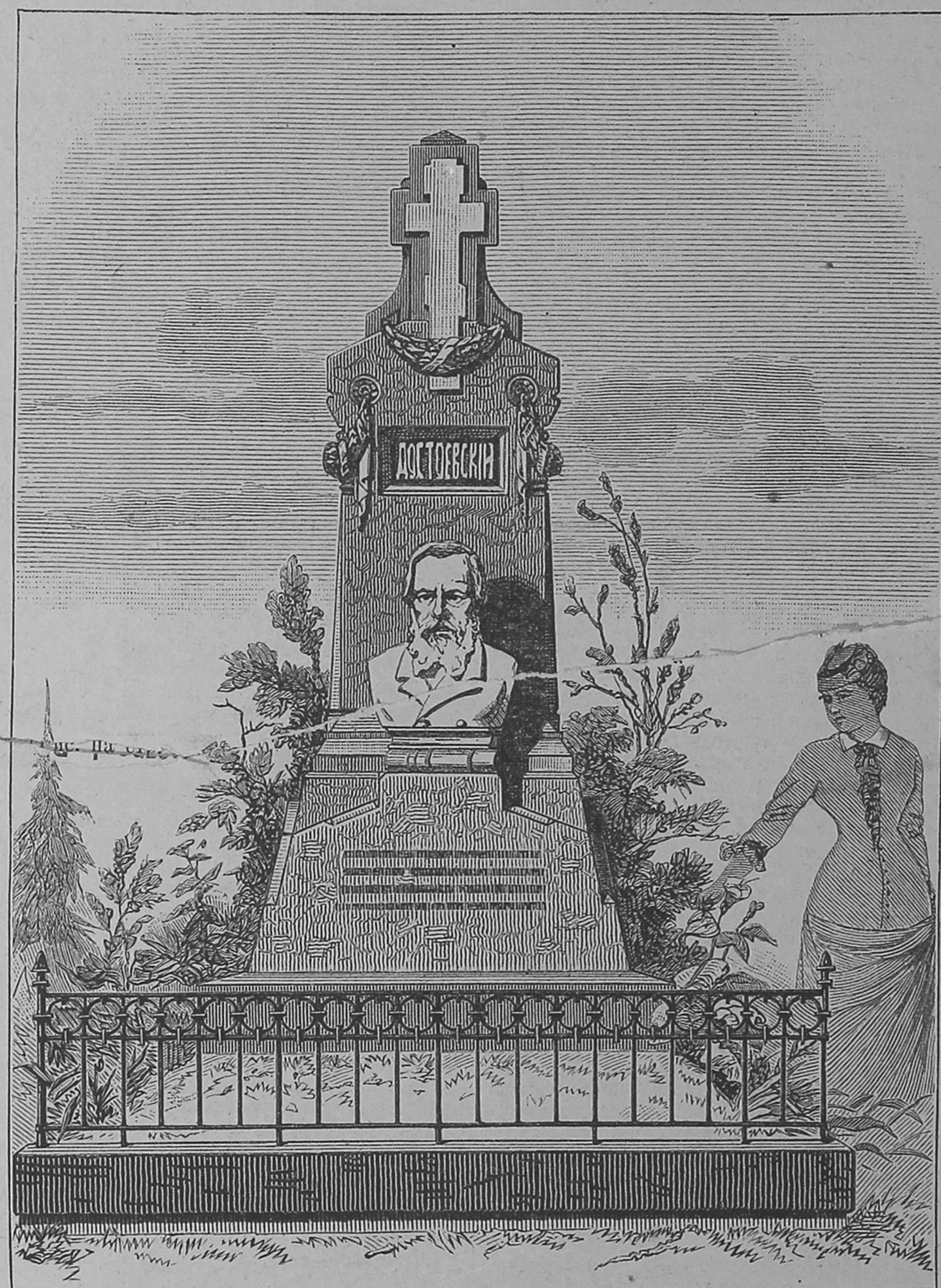
Политическое обозрѣніе.

Турція и Англія.—Болгарія.—Франція и Китай.—Лордъ Дерби и политика „присоединеній“.—Ирландія.

Турція, въ настоящее время, находится въ какихъ то стран-

ствленіемъ которой трудился Сандисонъ и которая въ сущности не доставила англичанамъ никакой солидной выгоды, въ Константинополь возникло сильное сомнѣніе касательно ихъ практичности.

Даже въ англійскомъ посольствѣ (какъ увѣряютъ нѣмецкія газеты) не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ цѣляхъ, преслѣдуемыхъ англійской политикой, вслѣдствіе чего въ дипломатическихъ агентахъ Англіи не замѣтно прежней увѣренности, что, въ свою очередь, внушаетъ въ туркахъ полное къ нимъ недовѣріе. Всѣ тѣ колебанія, которыхъ мы замѣчаемъ съ нѣкоторыхъ поръ въ турецкой политикѣ, склоняющейся то къ Германіи, то къ Россіи, мы прямо приписываемъ конечно отсутствію поддержки Англіи. Теперь султанъ выказываетъ большую „слабость“ къ славянскимъ государствамъ. О сближеніи съ Черногоріей мы уже знаемъ. Недавно же въ одной изъ официальныхъ константинопольскихъ газетъ было напечатано правительство соображеніе, заявляющее о твердомъ намѣреніи Порты всѣми средствами поддерживать установленіе нынѣ дружественныхъ отношеній между Турцией и сосѣдними съ ней балканскими государствами. Однако же съ Болгаріей произошло, на первыхъ по-

Проектъ памятника Ф. М. Достоевскому, архитектора Н. Васильева. Съ фотограф. грав. Барановскій.

далеко нѣть прежней близости. Англійская дипломатія уже не ведетъ близкихъ сношеній съ турецкимъ официальнымъ міромъ. За исключениемъ первого драгомана, сэра Альфреда-Сандисона, никто изъ прочихъ членовъ англійского посольства не показываетъ въ турецкихъ кружкахъ, и при этомъ англичане не только не соблюдаютъ никакихъ приличій, но какъ будто даже совершенно игнорируютъ необходимость щадить болѣзненную щекотливость турокъ. Со времени заключенія Кипрской конвенціи, надъ со-

рахъ, недоразумѣніе: болгарскій дипломатический агентъ въ Константинополь, Карамихайловъ извѣстилъ Эдхема-Пашу, что ему были возвращены изъ Софіи бумаги, посланные туда турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и составляемыя на турецкомъ языке, съ приложеніемъ къ нимъ просьбы болгарского правительства, дабы подобныя бумаги писались впредь по французски; но Эдхемъ-Паша заявилъ, что турецкія власти, въ своихъ официальныхъ сношеніяхъ съ Болгарскимъ княже-

ствомъ обязаны употреблять турецкій языкъ. Управляющій турецкимъ казначействомъ Веттендорфъ, отправляется въ Лондонъ и Парижъ съ какимъ-то важнымъ порученіемъ султана, касающимся также и Германіи и Австріи, такъ какъ онъ, на пути во Францію, заѣдетъ въ Гастейпъ, Берлинъ и Вѣну. Вскорѣ, говорятъ, и султанъ сдѣлаетъ обѣзѣдъ главнѣйшихъ европейскихъ дворовъ.

Возвращаясь къ Болгаріи, скажемъ, что князь Александръ отклоняется отъ прежней политики, сообразовавшейся съ видами Россіи, почему и генералы Соболевъ и Каульбарсъ подали въ отставку; едва-ли, однако, князю Баттенбергскому удастся довести политику неблагодарности до конца: Россія не допустить.

Франція продолжаетъ посыпать подкрепленія въ Тонкинъ, где и до сихъ поръ войскъ слишкомъ мало, чѣмъ и объясняются ихъ неудачи. Это обстоятельство и послужило даже поводомъ къ разногласію между гражданскимъ комисаромъ республики въ завоевываемой области, Арманомъ, и командующимъ тамъ генераломъ Буэ: Арманъ потребовалъ у того, чтобы онъ атаковалъ и взялъ Сонгтай, главный опорный пунктъ „черныхъ флаговъ“, но генералъ Буэ отвѣчалъ, что, вслѣдствіе недостаточности войскъ, сдѣлать этого не берется; Арманъ отнялъ у него командованіе, замѣнивъ его полковникомъ Бишо, который и готовится къ атакѣ Сонгтая. Переговоры Франціи и Китая идутъ съ перемежающимся успѣхомъ, или лучше сказать — „перемежаются“ слухи обѣ этихъ переговорахъ. Согласно одному источникамъ, Китай твердо рѣшился не уступать въ условіяхъ ничего и весьма сдержанъ, а по другимъ — переговоры вступили въ болѣе дѣятельный фазисъ своего развитія и маркизъ Цзенгъ возвратился въ Парижъ; ему предшествовалъ французский посланникъ въ Лондонѣ, Ваддингтонъ, имѣвшій передъ тѣмъ съ Цзенгомъ совѣщеніе у лорда Гренвилля; по приѣздѣ въ Парижъ, Ваддингтонъ немедленно же отправился къ министру — президенту Жюлю-Ферри, временно завѣдывающему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, за отсутствиемъ Шальмеля-Лакура, и передалъ ему о результатахъ своего со-

вѣщанія съ лордомъ Гренвиллемъ и Цзенгомъ; пока еще не известно ничего о принятыхъ Франціей решеніяхъ касательно Тонкинскихъ дѣлъ, но, повидимому, дружественное вмѣшательство Англіи въ этотъ вопросъ даетъ возможность предполагать, что франко-китайское недоразумѣніе уладится мирно, безъ войны.

Можетъ быть сближеніе между Франціей и Англіей повліяло на политику „присоединеній“. По крайней мѣрѣ, лордъ Дерби послалъ управлению австралийскихъ колоній депешу, въ которой не одобряетъ предполагаемаго присоединенія Новой Гвинеи и некоторыхъ острововъ западной части Тихаго океана къ англійскимъ владѣніямъ; лордъ Дерби того мнѣнія, что уваженіе къ интересамъ другихъ націй препятствуетъ распространѣю исключительного англійского управлія на архипелагѣ и острова, находящіеся въ сосѣдствѣ съ Австралией; и наиболѣе извѣстные и чаще другихъ посѣщаемые острова этого архипелага уже вошли въ торговыя сношенія съ иностранными націями на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и съ англичанами, и было бы неблаговидно и несправедливо игнорировать этотъ фактъ. Положимъ, что лордъ Дерби и не одобряетъ присоединенія Новой Гвинеи, но — насколько въ этомъ „неодобрѣніи“ заключается „запрещеніе“ — еще не возможно сказать определительно, невозможна сказать, что присоединенія этого неollo следуетъ.

Недавно Парнелль произнесъ рѣчь, отличавшуюся умѣренностью и въ которой высказалъ, что Ирландія можетъ теперь ждать улучшения своего положенія отъ правительства; рѣчь эта произвела весьма благопріятное впечатлѣніе въ Англіи, где уже ходятъ слухи о томъ, что ирландцамъ будетъ дана автономія; — однако, нашлись сторонники „террора“: Девиттъ и некоторые другие агитаторы на разумныя слова Парнелля отвѣтили панегирикомъ революціи; они, вѣроятно, не встрѣтятъ сочувствія въ массахъ ирландскаго народа, уже довольно испытавшаго нужды, чтобы продолжать безплодную борьбу, не имѣющую значенія въ виду обѣщанныхъ Ирландіи преобразованій и льготъ.

Землетрясеніе на Явѣ 27-го Августа.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Молэнъ описывая свое путешествіе по острову Явѣ и переходъ по Зондскому проливу, говорилъ слѣдующее: мы ясно начинаемъ различать островъ Принца, берегъ Суматры и вулканический островъ Крокатоа, верхушка которого въ видѣ сахарной головы, покрытой облакомъ въ формѣ султана, до поразительности напоминаетъ кратеръ, откуда выходитъ дымъ. Эти земли, выходящія изъ подъ воды, необыкновенно красивы. Повсюду, где только оказалась возможность, растетъ трава, деревья и цветы. Нѣть ни одной голой скалы, ни одного пустаго мѣстечка, которое наводило бы тоску, нѣть даже плоскаго берега; кокосовые, банановые и бамбуковые деревья повисли надъ водами, орошающими ихъ корни...

Эти дивныя мѣста почти совершенно уничтожены 27 августа землетрясеніемъ, безспорно однимъ изъ сильнейшихъ въ исторіи. Катастрофа превосходить всякое воображеніе. Не имѣя возможности опредѣлить еще число жертвъ, можно сказать утвердительно, что Анжеръ и сосѣднія мѣстности усѣянны трупами европейцевъ и американцевъ. Островъ Крокатоа исчезъ совершенно и три города разрушены. Опустошеннъ весь Бантамскій округъ; ручьи изсякли, толстый слой лавы покрываетъ землю.

Первые признаки вулканическаго изверженія Крокатоа обнаружились 25-го августа; подземные взрывы были слышны въ Сурапертѣ и Батавіи. Вначалѣ на это не обратили вниманія, но вскорѣ затѣмъ пыль затмила воздухъ, а падающіе всю ночь раскаленные камни переполнили эти два города. Съ утра сообщеніе съ Анжеромъ было прервано, снесены мости и попорчены дороги. Вода пролива кипѣла; температура ея возвысилась болѣе чѣмъ на 20 градусовъ и громадныя волны разбивались о берегъ Явы. На островѣ Мадурѣ, отстоящемъ на 500 миль отъ пролива, водяныя горы закрывали горизонтъ своей пѣной. 26-го числа подземные раскаты сдѣлались явственнѣе и въ полдень, величайшій изъ вулкановъ Мага-Меру началъ выбрасывать сильное пламя. Затѣмъ къ нему присоединился Гунангъ-Гунтеръ и много меньшихъ вулкановъ, такъ что изверженіе началось почти изъ трети 45 кратеровъ Явы. Пламя Гунангъ-Гунтера освѣщало атмосферу, а изъ кратера его лились ручьи сѣрной грязи и лавы. По временамъ раздавались страшные взрывы, за которыми слѣдовалъ дождь пепла и вулканическихъ камней, трескавшихся въ воздухѣ, разлетавшихся во все стороны и причинявшихъ смерть и опустошеніе. На морѣ замѣчались также необыкновенные явленія. Облака до того были переполнены электричествомъ, что одновременно образовалось до 15-ти смерчей. Мужчины, женщины и дѣти спасались бѣгствомъ, оглашая воздухъ отчаянными криками. Много жертвъ погибло подъ разрушенными домами. Въ воскресенье вечеромъ изверженіе и взрывы еще увеличились. Море угрожало поглотить весь островъ. Огромныя волны съ такой силой ударялись о берега, что разрушали все встрѣчавшееся и, казалось, готовы

пробить были островъ. Въ полночь надъ цѣпью горъ Кандонгъ, проходящихъ по юго-западу острова, образовалась огненная туча и по мѣрѣ увеличенія этой туки усиливалось изверженіе. Щѣлья потоки лавы вырывались изъ вулкановъ, устремляясь въ долины и разрушали все по пути. Къ двумъ часамъ утра, туча раздѣлилась на двое и разсѣялась; утромъ увидѣли, что пространство земли въ 50 квадр. миль, начиная отъ горы Капуцина на югѣ до Негери-Пасеронгъ на сѣверо-западѣ, исчезло безслѣдно.

Зондскій проливъ входитъ въ Индійское море около 6-го градуса южной широты. По этому пути обыкновенно ходятъ парусныя суда въ Китайское море и обратно; по этому же пути идутъ корабли изъ Южной Америки, а также — обогнувшіе мысъ Доброї Надежды и направляющіеся на крайній востокъ. Европейскіе пароходы обыкновенно ходятъ по Малакскому проливу, отдѣляющему Суматру отъ Индо-Китайскаго полуострова, но во время юго-западнаго муссона многие изъ нихъ возвращаются въ Индійскій океанъ чрезъ Зондскій проливъ съ цѣлью воспользоваться попутнымъ вѣтромъ, провожающимъ ихъ до входа въ Красное море.

Выходя изъ Зондскаго пролива и направляясь на острова Филиппинскіе, въ Китай или Японію, корабли имѣютъ три прохода: проливъ Банка со стороны Суматры; проливъ Гаспаръ между островами Банка и Билитонъ и проливъ Каримата со стороны Борнео. Всѣ эти проходы прекрасно содержатся и освѣщаются нидерландскимъ правительствомъ. Теперь же въ Зондскомъ проливѣ придется дѣлать новыя изслѣдованія. И вѣроятно, что всѣ правительства, имѣющія гидрографическія миссіи на крайнемъ востокѣ, будутъ содѣйствовать голландскимъ офицерамъ въ ихъ гидрографическихъ работахъ въ мѣстности, поврежденной катастрофой.

Ява — эта жемчужина Нидерландскихъ острововъ, имѣть тридцать дѣйствующихъ вулкановъ; самый высокій изъ нихъ, Семиру, имѣть около 14,000 футовъ. Большая сотрясенія очень часты въ Малайскомъ архипелагѣ, и вѣроятно островъ Баби, на восточной оконечности Явы, отдѣленный отъ нея только узкой полосой воды, былъ оторванъ въ 1204 году какимънибудь вулканическимъ сотрясеніемъ.

Почти во всѣхъ частяхъ Явы произошли страшныя опустошенія. Куполь извѣстнаго храма Борободо былъ увлеченъ падающей скалою. Въ Сисицѣ падающей скалы имѣли температуру раскаленного желѣза и вожгли дома въ самой населенной части города. Десять базаровъ, принадлежащихъ европейцамъ, были совершенно уничтожены.

Въ бухтѣ Лямпонгъ, лучшемъ мѣстѣ стоянки Суматры, въ глубинѣ которой стоялъ городъ Телокъ-Бетонгъ, общій видъ ужасающій. Все разрушено на пространствѣ 8 километровъ. Мѣстное населеніе очень возбуждено противъ голландцевъ; оно предполагаетъ, что Провидѣніе наказало ихъ за войну противъ Атчинцевъ. Духовныя ихъ лица поддерживаютъ это мнѣніе, что

впрочемъ не особенно тревожить голландцевъ, такъ какъ жители юга Суматры отличаются кротостью и послушаниемъ.

Почти во всѣхъ мѣстностяхъ потери непоправимы. *Тысяча храмовъ Брамбамама* очень повреждены, нѣкоторые совсѣмъ разрушены. Рѣка Жакатама, на берегу которой стоитъ Батавія, до такой степени засорена лавой, что пробила себѣ другое русло по улицамъ города. Островъ Горнъ на сѣверѣ Батавіи совершенно затопленъ. На островахъ Баби и Тжирионда нѣсколько домовъ рухнуло, и въ нихъ погибло множество народа. Большая часть острова Міда, въ десяти миляхъ отъ Явы, была поглощена моремъ.

Говорили о 80.000 жертвѣ; но теперь еще трудно съ точностью опредѣлить число погибшихъ. Военные корабли крей-

сируютъ у входовъ въ Зондскій проливъ, съ цѣлью предотвратить идущія суда обѣ опасности.

Громадное волненіе, причиненное исчезнувшими островами, отразилось въ проливахъ, на сѣверѣ до Борнео, на разстояніи 120 морскихъ миль и на востокѣ до крайняго конца Явы. Въ Батавіи море поднялось на цѣлую сажень выше уровня самыхъ высокихъ морей, потомъ отступило почти мгновенно, унося слой земли въ нѣсколько аршинъ и обнаживъ нѣсколько сотенъ обезображеныхъ труповъ.

Въ главныхъ городахъ Голландіи устраивается подписка въ пользу потерпѣвшихъ. Число этихъ послѣднихъ очень велико, а потому потребуются громадныя суммы, чтобы хотя отчасти помочь несчастнымъ.

СМѢСЬ.

Недавно въ Спеціи, въ Италіи, производились, по истинѣ, замѣчательные опыты съ новѣйшими исполнительскими орудіями. Дѣло заключалось въ томъ, чтобы два новыхъ армстронговскихъ 100 тонныхъ орудія соединить панцирной броней въ одну двухствольную пушку. Это орудіе по силѣ винканія снаряда и по разрушительному дѣйствію превосходитъ все, что либо до сихъ поръ изобрѣтено въ этой области искусства. Понятно, для такого чудовища потребовался и солидныхъ размѣровъ зарядъ: онъ былъ ни больше, ни меньше какъ 770 фунтовъ пороха, т. е. на 200 фунтовъ больше самаго громаднаго заряда, какой до сихъ поръ употреблялся. Вѣсъ снаряда доходитъ до 240 цудовъ; силѣ его не можетъ противостоять никакая подвижная броня: онъ можетъ пробить желѣзный панцирь въ 30 дюймовъ толщины. Заряженіе и прицѣливаніе производятся посредствомъ особаго гидравлическаго аппарата, такъ что при опытахъ въ Спеціи требовались услуги только одного человѣка, чтобы зарядить, прицѣлить и произвести выстрѣлъ изъ этого громаднаго орудія.

Въ американскихъ газетахъ былъ описанъ слѣдующій интересный случай вылечивания отъ водобоязни, разсказанный въ собраніи Парижской Медицинской Академіи докторомъ Дюмономъ, 13-го іюня 1882 года. Больной былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, крѣпкаго тѣлосложенія и пользовался, до этого случая, прекраснымъ здоровьемъ. 16-го апрѣля его укусила въ плечо собака и въ этотъ же день бѣшеной собакой были укушены женщина и двое дѣтей. 20-го мая женщина умерла отъ водобоязни. Извѣстіе о ея смерти произвело на больнаго такое глубокое впечатлѣніе, что онъ сдѣжался беспокойнъ, тоскливъ, расположень къ чрезвычайной жаждѣ и жаловался на боль въ горлѣ и на трудность глотанія. Онъ отказывался отъ всякой питья, которое ему предлагали, и выказывалъ стремленіе кусать окружающихъ его людей и предметы. Съ нимъ начались судорожные припадки съ признаками, такъ часто встречающимися при водобоязни. Онъ былъ, 23-го мая, взятъ въ госпиталь и ни одинъ изъ присутствовавшихъ докторовъ не выразилъ никакого сомнѣнія въ симптомахъ его болѣзни. Леченіе, которому его подвергли, состояло въ подкожномъ вспрыскиваніи pilocarpine'a, вызвавшемъ обильную испарину и слюнотеченіе. Въ тоже время давали чай, приготовленное изъ двухъ драхмъ kali bromatum, четырехъ драхмъ chloral hidrat и одного унца сиропа cadrin. Больной сталъ быстро поправляться и къ 30-му мая припадки совершенно прекратились. Но здѣсь возникло сомнѣніе, дѣйствительно ли это были припадки бѣшенства, или только нѣчто подобное, происшедшее отъ сильного страха передъ болѣзнью и яркаго представлѣнія подобныхъ припадковъ. Къ разрѣшенію этого вопроса служитъ заявленіе Бокля, что онъ также знаетъ случай, гдѣ подкожное вспрыскиваніе pilocarpine'a имѣло рѣшающее значеніе на исходѣ, въ благопріятномъ смыслѣ, болѣзни того же характера.

Недавно въ королевскомъ замкѣ въ Мадридѣ происходила странная церемонія, носящая очень странное название. „Tamar le almohada“, что въ буквальномъ переводѣ значитъ „взять подушку“, а по смыслу „сѣсть“.

Подобно тому, какъ гранды испанскіе въ присутствіи короля пользуются преимуществомъ оставаться въ шляпахъ, такъ и дамы, получающія посредствомъ этой церемоніи званіе гранды, приобрѣтаютъ право сидѣть въ присутствіи королевы. Торжество перемоніи, по словамъ „Ероса“, состоить въ слѣдующемъ: Въ одной изъ приемныхъ королевскаго замка собираются всѣ дамы, получившия уже такъ называемую „almohada“ и становятся у разставленныхъ по обѣимъ сторонамъ комнаты креселъ, покрытыхъ подушками. Затѣмъ входитъ королева и говорить присутствующимъ „Sentaos“ (садитесь), послѣ чего всѣ дамы садятся. По знаку, данному стоящимъ у дверей камергеромъ, входятъ по очереди представляющіяся дамы, каждая въ сопровожденіи своей дуэни, отдаютъ два поклона королевѣ и одинъ сидящимъ тутъ грандамъ. Послѣ этого дуэни удаляются, а дамы подходятъ къ королевѣ, снова преклоняясь передъ нею; королева же приглашаетъ ихъ сѣсть на приготовленныя здѣсь кресла. Послѣ короткаго привѣтствія гранда поднимается, по данному знаку цѣлує руку королевѣ и опять возвращается къ своему мѣсту. Кончается эта церемонія тѣмъ, что королева встаетъ, обходитъ всѣхъ дамъ, милостиво разговаривая и удаляется въ свои апартаменты.

Случай потери памяти. Одинъ молодой англичанинъ, во время своего путешествія по горамъ Гарца, имѣлъ случай испытать стран-

ное дѣйствіе на память сильнаго утомленія. Весь день, когда это съ нимъ произошло, онъ провелъ на ногахъ и, во время этого скита, совершилъ нѣсколько подъемовъ на горы, при чемъ ничего неѣлъ и почти не отдыхалъ. Добрались, наконецъ, до мѣста, где можно было отдохнуть и поѣсть, онъ, къ величайшему своему удивленію, замѣтилъ, что не можетъ вспомнить ни одного нѣмецкаго слова, хотя, обыкновенно, объяснялся по нѣмецки свободно. Его память во всѣхъ другихъ отношеніяхъ не измѣнила ему: онъ зналъ свой языкъ также хорошо, какъ и всегда, и помнилъ приключенія дня до мельчайшихъ подробностей. При столь неожиданномъ и непрѣятномъ для него оборотѣ дѣла, онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ знакамъ и уже такимъ способомъ потребовать себѣ все необходимое. Когда же онъ поѣлъ и отдохнулъ, то память къ нему возвратилась и онъ могъ снова свободно объясняться по нѣмецки.

Можетъ быть, подобная потеря памяти случается гораздо чаще, чѣмъ это, вообще, полагаютъ, и она можетъ помочь объясненію нѣкоторыхъ, иначе необъяснимыхъ ошибокъ, нерѣдко случающихся съ людьми при исполненіи ими отвѣтственныхъ обязанностей. Инженеръ, стрѣлочникъ, сигналистъ, сильно утомляющіе свои нервы чрезмѣрнымъ ли количествомъ рабочихъ часовъ, или лишніями и домашними заботами, а также безумными веселеніями и удовольствіями, рискуютъ въ извѣстную минуту забыть выполнить нужное дѣйствіе, отъ которого зависитъ безопасность сотни людей. Если бы не было того, истинно счастливаго обстоятельства, по которому привычныя дѣйствія настолько сродняются съ организмомъ, что люди исполняютъ ихъ автоматически, наложеніе лишней работы на человѣческую энергию эгоизмомъ обществъ и лицъ, или индивидуальное несчастіе и легкомысленность, гораздо чаще служили бы причиною гибельныхъ ошибокъ.

Убийства въ Италіи. Въ итальянской прессѣ разбирается въ настоящее время странный предметъ. Газета „Либерта“ озаглавливаетъ его „Убийства въ Италіи“. Тотъ фактъ, что въ Италіи постоянно увеличивается число преступлений, не подлежитъ больше сомнѣнію. На югѣ Италіи убийство сдѣгалось обыкновеннымъ явленіемъ и жизнь человѣческая въ глазахъ массы цѣнится очень низко. По поводу этого Либерта говоритъ: еслибы подобная убийства случались рѣдко, то изъ-за нихъ не стоило бы поднимать вопроса, такъ какъ убийства совершаются во всѣхъ странахъ мѣра, но, къ стыду нашему, нужно сознаться, что ни въ одномъ европейскомъ государствѣ ихъ нѣть столько какъ въ Италіи. По новѣйшей статистикѣ оказывается 5,000 убийствъ ежегодно; такимъ образомъ Италіи принадлежитъ первое мѣсто въ числѣ преступлений. Это позоръ, падающій на всю націю — причину этого слѣдуетъ искать въ чрезвычайно низкомъ уровнѣ образованія итальянскаго народа; на югѣ Италіи, гдѣ происходятъ частыя убийства, больше всего неграмотныхъ, незнающихъ ни читать, ни писать. Хотя за послѣднія десять лѣтъ (1871—1881) число безграмотныхъ уменьшилось на 8 процентовъ, но все же въ 1881 году 67,25 процентовъ итальянскаго населенія были лишены всякаго образования и именно 61,03 процента мужчинъ и 73,51 процента женщинъ.

Индѣйка прерій. Объ этой очень цѣнной дичи Соединенныхъ Штатовъ, вѣсящей иногда до 6 фунтовъ, старый охотникъ рассказываетъ слѣдующее. Индѣекъ прерій легко видѣть, когда они заплыты танцами. Это удивительное зрѣлище наблюдалось столько разъ, что оно не можетъ быть причислено къ охотничимъ выдумкамъ. На мѣстѣ, гдѣ нѣть травы, становится вокругъ отъ 8 до 10 паръ индѣекъ и начинаютъ такую же кадриль какъ и люди. Пары клянятся другъ другу, топчутся потомъ на мѣстѣ одна противъ другой, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, издавая при этомъ нѣжные крики. Также обмѣниваются дамами и тогда послѣ поклоновъ начинаютъ плясать. Раздавшійся выстрѣлъ разсѣваетъ все бальное общество. Подобные же обычаи замѣчаются у родственныхъ имъ острохвостыхъ индѣекъ. Птицы направляются на плоское мѣсто, гдѣ сбиваются крыльями и топчутъ ногами траву на пространствѣ около 20 футовъ въ попечникѣ. На этомъ мѣстѣ общество собирается утромъ и вечеромъ и выдѣлывается такие же пируэты, какъ наши предки во времена рококо. По двѣ и по четыре они выступаютъ впередъ, наклоняютъ головки, распускаютъ по землѣ крылья, отступаютъ, еще разъ подаются впередъ, затѣмъ повертываются на пальцахъ, подымаютъ перья и весело кричатъ. Мѣсто, на которомъ происходятъ эти забавы, охотники называютъ „балльными залами“.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 46.

1) а	$c - b = b - d$	$a = 15 = 0$
2) б	$e + f = g$	$b = 18 = C$
3) с	$g + z = d + y$	$c = 19 = T$
4) д	$2a = c + x$	$d = 17 = R$
5) е	$b = 2z$	$e = 15 = O$
6) ф	$e + y = 25$	$f = 3 = B$
7) г	$y - f = 7$	$g = 18 = S$
8) х	$d - f = 14$	$x = 11 = K$
9) у	$x + y = 21$	$y = 10 = I$
10) з	$a + b + c = 52$	$z = 9 = Y$

ОСТРОВСКИЙ.

Вѣрныя рѣшениа этой задачи присланы отъ Г. г.: Спб.—Жилина, Гиусина, Мирягина, Итцигсонъ, Новоселова, Минихъ, Воронина, Евстигнѣева, Мататина, Яковлева, Рябинина, Дескроховскаго; Москва—Пермскаго, Невидомской, С. Д. Я., Дерингъ, Анукина, Тропонъ, Биановой; Азовъ—Липсцина, Астрахань—К. О. Цѣхановица; Баку—Иванова, Бахчисарай—Дремджи, Бобруйск—Потудина, Богородицк—Синявина, Б. Н. Сорокина—Тѣрского, Бѣлгородъ—Артемьевъ; Варшава—Гофъ, Кречетовича, Вильно—Балтийскаго, Вилькомиръ—Гурвичъ, Воронежъ—Целинъ, Гатчина—Банкской, Гжатскъ—Н. Ш., Екатеринбургъ—Смирнова, Екатеринодаръ—Федотова, Зарайскъ—Лапухина, Каменка—Барановскаго, Киевъ—Курдюмовой, Новно—Строговичъ, Коломна—Шевлягина, Кронштадтъ—Попова, Курская—Яншина, Праведникова, Лебедянъ—Чирилова, Лозовая—Кречановскаго, Межево—Чернявскаго, Минскъ—Рогова, Николаевъ—Каневскаго, Никольское—А.—ва, Одесса—Дурманъ, Дикъ, Трейгеръ, Омскъ—Шульце, Опочка—Бѣллавина, Орель—Милейшева, Петергофъ—Гусарова, Покровское—Дороднаго, Полтава—Добринскаго, Порховъ—К., Рига—Антона, Рославль—Кульгина, Ростовъ—Ачинова, Рыбинскъ—Солонцева, Рязань—Федотова, Севастополь—Файнбергъ, Грушко, Гольдбергъ, Симбирскъ—Евлевой, Симферополь—Форди, Лазарисъ, Слуцкъ—Харламповичъ, Ст.-Клепики—Ключкова, Ставрополь—Шумова, Тверь—Денисова, Темрюкъ—Христодулиди, Тихвинъ—Кисилева, Тифлисъ—Сахаровой, Тула—Титовой, Умань—Сердобинской, Харьковъ—Браиловскаго, Хотимъ—Блашко, Царск.-Село—Виленкина, Череповецъ—Мороцкой, Черкассы—Вѣлявина, Черниговъ—Малькина, Чесменка—Мягкова, Щебришинъ—Ларчикъ, Яблоновка—Смитской.

Рѣшеніе ребуса № 45.

„Спустя лѣто въ лѣсъ за малиной не ходятъ“.

Вѣрныя рѣшениа этой задачи присланы отъ 564 лицъ, фамилии которыхъ, за недостаткомъ места, не можемъ помѣстить.

ПО СЛУЧАЮ УВЕЛИЧЕНИЯ ТОРГОВЛИ
ГЛАВНОЕ ДЕПО

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана,

въ С.-Петербургѣ, переведено
изъ дома № 42, въ домъ № 36, по Большой Морской ул.

Дешевая продажа скрипокъ, альто, виолончелей, контрабасовъ, смычковъ, цитръ, гитаръ, мандолинъ, струнъ, пионировъ, корнетъ-а-пистолъ, трубъ, тромbonesъ, басовъ, флейтъ, кларнетовъ, барабановъ, литавръ, треугольниковъ, бубенъ, концертинъ, гармоній, музыкъ языковъ, шарманокъ, органовъ, фисгармоній, гармонифлюты, всѣхъ принадлежностей и школъ для всѣхъ инструментовъ.

Иллюстрированный прейс-курантъ бесплатно
Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и
аккуратно.

А. № 2819 6-2

ЛЕЧЕБНИЦА

для приходящихъ. Невский пр. № 98, противъ Николаевской. Ежеднев. приемъ специалистами отъ 1—4 дня и отъ 6—8 ч. веч. Кровати по женскимъ болѣзнямъ.
(Осмотръ кормилицъ и прислуги).

№ 2827

Полное собраніе романовъ
Всеволода Сергеевича Соловьева.

Издание А. Ф. МАРКА, въ Спб., Б. Морская, № 9.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи XVI вѣка и въ развѣтіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Панова. Издание 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

АСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историческ. романъ въ трехъ частяхъ. Дѣйствіе романа въ XVII в. во время царствованія Алексея Михайловича. СПБ. 1882 г. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкоровомъ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Паденіе Бирона и воцареніе Елизаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е издание. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. переп. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

БОЛШОЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это чрезвычайно интересный разсказъ времени юного Императора Петра II, царствовавшаго только три года. Романъ этотъ, какъ почти всѣ романы Соловьевы, переведены на многие иностран. языки. СПБ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. переп. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Гг. иногородные, выписывающіе разомъ всѣ эти сочиненія, за пересылку ничего не платятъ, а для Гг. городскихъ СПБ. по-

Шашечная задача № 52.

К. Цѣхановица.

Черныя.

Рѣшеніе задачи маги-
ческаго креста
№ 44.

п	а	с
о	к	а
п	о	в
а	к	о
с	а	р
а	р	а
о	д	а
т	а	н

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ въ 9 ходовъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Въ Вѣнѣ (съ 2 рис.).—Старый домъ. (Хроника четырехъ поколѣній). Историч. романъ Всеволода Соловьевы. Часть вторая. Главы XIII, XIV и XV.—Полковникъ изъ Золотоноши. Историческая повѣсть А. Н. Кирилова. (Продолженіе).—Пища человѣка. очеркъ.—Старая Ладога и Рюрикова крѣпость (съ рисункомъ).—Египтянка (съ портретомъ).—Старая башня и Чесменская колонна въ Царскомъ Селѣ (съ рис.).—Развалины дворца Потемкина на берегу Невы (съ рис.).—Чайки на островѣ Вознесенія (съ рис.).—Прозѣктъ памятника Ф. М. Достоевскому (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Землетрясеніе на Явѣ 27-го августа.—Смѣсь.—Задачи.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ СОКРАТА ИСАКОВА въ СПБ.

Невскій д. № 54 противъ Императорской Пуб. Библиотеки, поступила въ продажу новая книга:

2801 2-2

РОДЪ КНЯЗЕЙ ЗАЦѣПИНЫХЪ. ИСТОРИЧ. РОМАНЪ А. ШАРДИНА.

2 большихъ тома, около 50 печатныхъ листовъ. Цѣна 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ МЕЛЬНИЦЫ СЪ КАМЕННЫМИ ЖЕРНОВАМИ,
СПЕЦІАЛЬНО ПРИСПОСОБЛЕННЫЕ КЪ НАШЕМУ РУССКОМУ ПОМОЛОУ.

Ручныя мельницы по 65 р. даютъ въ часъ до 1 пуда муки.
Мельницы на 1 лошадь 130 р. съ каменными жерновами 15 р. даютъ въ часъ до 2 пуда муки.
Мельницы на 2 " 140 " " " 15 " " " 4 " "
" 3 " 200 " " " 18 " " " 6 " "
" 4 " 275 " " " 24 " " " 12 " "
" 5 " 335 " " " 28 " " " 16 " "

Мельницы большаго размѣра для паровой и водяной силъ. Принимаю на себя устройство и установку различныхъ мельничныхъ поставовъ.

Кромѣ того постоянно имѣется на складѣ большой выборъ ручныхъ, конныхъ и паровыхъ молотилокъ, новыхъ вѣялокъ, сортировокъ 8 силь въ 35 рублей, сѣвалокъ ручныхъ и конныхъ, плуговъ, боронъ и вообще всевозможныхъ земледѣльческихъ машинъ.

ДЕПО МАШИНЪ ЭД. ФЛУГЪ.
С.-Петербургъ, Вознесенскій проспектъ, № 11.
Съ 1-го октября 1883 года: Столлярный переулокъ, № 5.

Москва, у Красныхъ воротъ, д. Раузы.

Пробная станція машинъ и постоянная выставка въ С.-Петербургу: Петровскій паркъ, домъ Санть-Галли. Каталоги и свидѣтельства добра, качественности машинъ высылаются по востребованію бесплатно.

Р. № 2825 3-1

Литография мельницы.

С.-Петербургъ, Вознесенскій проспектъ, № 11.

Съ 1-го октября 1883 года: Столлярный переулокъ, № 5.

Москва, у Красныхъ воротъ, д. Раузы.

Пробная станція машинъ и постоянная выставка въ С.-Петербургу: Петровскій паркъ, домъ Санть-Галли. Каталоги и свидѣтельства добра, качественности машинъ высылаются по востребованію бесплатно.

Р. № 2825 3-1

СЕРГІЙ ГОРБАТОВЪ. Исторический романъ конца XVIII вѣка. Характеръ Екатерины Великой, быть ея царедворцевъ, личность Цесаревича Павла очерчены здѣсь чрезвычайно типично. Въ 2-хъ частяхъ въ 8, всего 672 стр., напечатанъ на лучшей веленой бумагѣ съ виньетками. СПБ. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ. Истор. ром. хроника конца XVIII и начала XIX в. Романъ этотъ составляетъ продолженіе романа „Сергій Горбатовъ“ и въ немъ изображается совершенно въ новомъ видѣ характеръ Павла I. Въ 2-хъ частяхъ. Около 711 стр. Напечатанъ на велен. бумагѣ съ виньетками. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ красн. каленк. перепл. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Гг. иногородные, выписывающіе разомъ всѣ эти сочиненія, за пересылку ничего не платятъ, а для Гг. городскихъ СПБ. по-

купателей дѣлается уступка 10%.

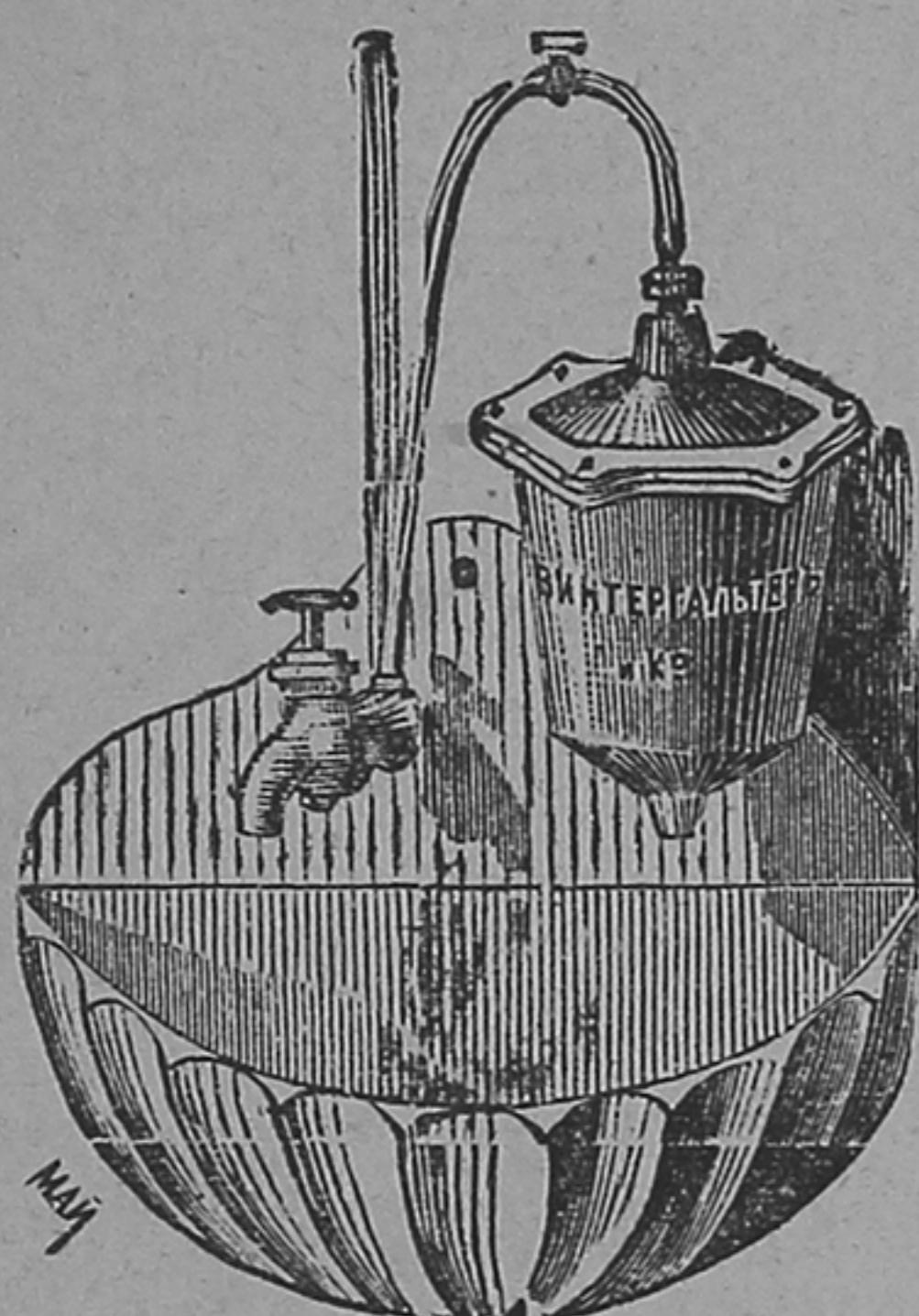

№ 2803 Роялъ Я. БЕККЕРъ, поставщика Его Величества Императора АЛЕКСАНДРА III. Казанская площадь, уголъ Невского пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

ФИЛЬТРЫ

для водопроводовъ.

ГОДОВОЙ АБОНЕМЕНТЪ 6 рублей.

УСТАНОВКА БЕЗПЛАТНО.

Въ складѣ воздушныхъ и электрич. звонковъ

ВИНТЕРГАЛЬТЕРЬ и Комп.,
у Казанск. моста, по кан., № 12. № 2579

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНИЕ.

Ручн. и ножн. Зингеровскія швейные машины, которая кроме известныхъ работъ выметываютъ петли, вышиваютъ и шьютъ чрезъ край. Подробный прейс-курантъ и пробные петли высылаются бесплатно.

А. ШТЕЙНЪ,

С.-Петербург. Вознесенскій проспектъ,
д. № 21. № 2615 10-8

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО

А. В. ЭБЕРГЪ.

поставщика двора

Его Императорскаго Величества.
РОЯЛИ И ПИАНИНО НЕ УСТУПАЮТЪ ЛУЧШИМЪ ЗАГРАНИЧН. ФИРМАМЪ.

МАГАЗИНЪ у Арбатскихъ воротъ, д.
Шмитъ, ФАБРИКА у Горбатого моста.

Фирма существуетъ съ 1852 года.

Ц. № 2773 10-7

Безъ всякихъ рекламъ и
восхваленій дѣйствительно настоящій Американскій керосинъ, продаётся и доставляется на домъ, въ Складѣ американской керосина Глазера, въ домѣ № 37, по Николаевской улицѣ. № 2826 2-1

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ К. БАУХЪ.

Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болей, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операций, вставка новыи зубовъ и цѣльныхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантировается на много лѣтъ. Цѣны умѣренныя. № 1908

При этомъ № прилагается для гг. иногор. подписчиковъ (за искл. московскихъ и 1 до 12, 27, 28, 29 и 30 трактовъ) объявление отъ книжного магазина А. Земского въ Москвѣ.

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

Съ разрешенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

Салициловый Анти-Эпидемический Эликсиръ.

ЗУБНЫЕ ПОРОШКИ.

розовый, салициловый, бѣлый Д-ра Міалхе.

НОВЫЙ

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

самаго высшаго качества.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибегаютъ некоторые фабриканты, принявшие названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующие наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждого предмета точность фирмы.
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, домъ № 32, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, домъ № 66, у Аничкова моста.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера. Кроме вышеозначенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, имѣющіе вывески, сходныя съ вывескою С.-Петербург. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежать Р. № 2809 2-2 Контора, фабрика и оптовый складъ по Измайловскому пр., № 21, въ собств. домѣ.

Страхование жизни.

Подробная свѣдѣнія о всѣхъ родахъ страхованія жизни, приданаго, пенсіи и т. п. можно узнать изъ брошюры (книжекъ) Страхового Общества „Россія“.

Эти брошюры по требованію выдаются и высылаются бесплатно Главною Конторою Общества „Россія“ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами въ городахъ Имперіи.

№ 2482

№ 100 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ № 100

Гостиный дворъ, Малая Суровская линія
только что получены послѣднія новости

ОСЕННЯГО СЕЗОНА

шерст. матер. нутрота, солейль, мервельезъ, оттоманъ. Роскошныя 1 клѣтч. тѣневые и дамаск для тюникъ. Модныя ткани для шубокъ и ротондъ, цѣти. кашемиръ и верхни, фанель, теплыя одѣяла, пледы, платки, юбки, фуфайки, кальсоны, корсеты, жерси, чулки, носки, носов. плакти, парижскіе галстуки, шелков. перчатки Сарра Бернаръ и Bouffes.

№ 2822 1-1

Содержательницы дамскихъ магазиновъ и мастерскихъ получаютъ большую уступку.

Приготовлено и выпущено въ продажу для всей Россіи, нового, высшаго сорта

„РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ“

„ИМПЕРАТОРСКОЕ“

Н. П. ЛАНИНА,

Москва, Софійская набережная.

ЗАРУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ Н. П. Ланину были присуждены слѣдующія награды:

4. Серебряная медаль 1852 г.	8. Высочайшая благод. 1875 г.
2. Большая серебр. мед. 1860 "	9. Филад. выст. мед. 1876 "
3. Похвальный отзывъ 1864 "	10. Филад. выст. мед. 1876 "
4. Малая серебр. мед. 1865 "	11. Пар. выст. поч. отз. 1878 "
5. Малая серебр. мед. 1869 "	12. Всероссійск. худож.-промышленая выставка, въ Москвѣ, 1882 года большая золотая медаль.
6. Бронзовая медаль. 1870 "	
7. Больш. золот. мед. 1872 "	

Привилегіи въ 1863 и 1872 годахъ.

РУССНОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

приготовлено изъ русскаго винограднаго вина, безъ подмѣси иностраннаго, и не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“ въ продажѣ подъ новымъ ярлыкомъ и съ бѣлой и розовой смолкой. Съ фабрики ящики въ 60 и 30 бут. по 1 р. 50 к.

№ 2828 10-1

МЕБЕЛЬНАЯ

ФАБРИКА

А. ШМИТЪ.

Поставщика двора Его Императорскаго Величества, ФАБРИКА и МАГАЗИНЪ.

МОСКВА, Арбатскія ворота, соб. домъ.

Фирма существуетъ съ 1818 г.

На Всероссійской Выставкѣ 1882 года. Высшая награда—Государствен. Гербъ.

Ц. № 2772 10-7

№ 2758 12-10

ПРИНИМАЮТСЯ

ЗАКАЗЫ НА ПЛАТЬЯ И

ПАЛЬТО

У ГОСПОЖИ МАРИИ ЖУАНО.

Москва, Петровка, д. Фирсанова, въ бельевъэтажъ, рядомъ съ магазиномъ Депре.

П. № 2823 3-1

Издание А. Ф. Маркса.

Большая Морская, № 9.

МИЛЬТОНЪ. ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ. Большое издание in folio съ 50 большими картинами Густава Дорэ. Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р., съ перес. въ ящикѣ 30 р., въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ перес. въ ящикѣ 35 р. Подписчикамъ „Нивы“ на 1883 г. дѣлается уступка 5 руб.